

Саломея

Приключения, почерпнутые
из моря житейского.
Александр Фомич Вельтман.

Начало см. № 54

Продолжение...

КНИГА ТРЕТЬЯ

Часть девятая

I

Кому любопытно знать дальнейшие приключения бедного Прохора Васильевича, Авдотьи Селифонтовны и Лукерьи Яковлевны, тому предстоит читать следующее:

Вы помните, что случилось с Авдотьей Селифонтовной? На другой день, чем свет, снова послышался визг Авдотьи Селифонтовны. Нянюшка всполошилась бежать к ней на помощь, но девушки остановили ее.

- Ну, куда вы бежите, Афимья Ивановна?

- Нянюшка, нянюшка! - раздалось из спальни, и вслед за этим криком послышался стук в двери девичьей.

- Сударыня, что с тобой? - спросила испуганная няня, отворив дверь.

Авдотья Селифонтовна, как полоумная, бросилась к няне.

- Господи, да что с тобой?

- Нянюшка, - проговорила Авдотья Селифонтовна, дрожа всем телом, - нянюшка! кто-то чужой лежит там, охает да стонет, говорит что-то страшное... Ах, я так и обмерла...

- Голубушка моя, Дунюшка, помилуй, Бог с тобой! Откуда чужой взялся? Не узнала своего Прохора Васильевича!

- Ах, что ты это, какой там Прохор Васильевич! Это Бог знает кто!...

- Пойдем, пойдем!...

- Нет, я ни за что не пойду!

- Кому же быть, как не Прохору Васильевичу?

- Да, да, посмотри-ко, ты увидишь.

- Ах, молодец, как он налился... сам на себя не похож!... кто бы подумал! - проговорила про себя старуха, посмотрев на лежащего Прохора Васильевича.

Он горел, как в огне; глаза навывкате, что-то шепчет да ловит кого-то руками.

- Вот тебе и графчик, - проговорила опять старуха про себя. - Ох, надо сказать поскорей Василью Игнатьевичу...

- Куда? Нет, я тебя не пушу!

- Ах, мать моя, да что же мне делать? Надо позвать Василья Игнатьевича... Эй, девки!

- Нянюшка, поедem домой! Меня обманули!

- Эй, девушки. Где тут слуга-то его. О, Господи, Божье наказание!

Старуха металась во все стороны, но ее дитятко, Авдотья Селифонтовна, повисла ей на шею и ни шагу от себя. Плачет навзрыд и молит, чтоб ехать домой.

- Помилуй, сударыня, что ты это, Бог с тобой!

- Меня обманули! - вопит Авдотья Селифонтовна, - это какой-то оборотень.

- Ах, да вот, Матвевна! Матвевна, подь-ко сюда!

- Что это такое, сударыня, Авдотья Селифонтовна, что с вами? - сказала сваха, испугавшись. - В чем дело? О чем это вы?

- Меня обманули! - повторяла Авдотья Селифонтовна.

- Смотри-ко, какой грех, что делается с Прохором-то Васильевичем, - сказала старуха няня, - сам на себя не похож, так что барыня моя отказалась от него, твердит себе, что это не он.

- Да, таки не он: это черт, а не он. Ах, Господи, Господи! Что со мной будет!

- Что это с ним сделалось? - проговорила Матвевна, стоя над Прохором Васильевичем, скрестив руки. - Ох, кто-то испортил его, совсем таки не похож на себя!

- Неправда! Меня не обманете! Это не он! - повторила Авдотья Селифонтовна.

- Кому ж другому быть, сударыня? - сказала Матвевна, покачивая головою.

- Ах, что-то ты страшное говоришь, Триша! - произнес вдруг Прохор Васильевич и повел кругом неподвижный взор. - Лукерьюшка... Тятенька не убьет меня?

- Бог его знает, что с ним сделалось, и не признаешь... Кажется, вчера был здоров, - сказала Матвевна, продолжая качать головою.

- Ну, уж, угостила графчиком, Матвевна! Уж я вчера догадалась, что он мертвую чашу пьет! Как тянул, как разносили шампанское-то... так и опрокинет в рот сразу... вот-те и графчик!

- Ах, мать моя, да я-то чем виновата? Наше дело товар лицом показать; а кто ж его знает, какие художества за ним водятся, - отвечала Матвевна.

А между тем не прошло нескольких минут, около Прохора Васильевича набралась тьма народу. Сбежалась вся дворня посмотреть на испорченного. Конон стоял тут же, дивился, как будто ничего знать не знает, ведать не ведает. Начались толки шепотом, аханья, кто советовал вспрыснуть водицей с уголька, кто послать за Еремевной: она, дескать, отговаривает порчу, а дохтура-то, дескать, в этом деле ничего не смыслят; оно, дескать, не то что какая-нибудь простая болезнь господская, мигрень, али что; нет, тут без заговору не обойдешься....

Авдотья Селифонтовна во все время ревом редела и упрашивала нянюшку ехать домой; но нянюшка, как смысленный человек, говорила, что это не приходится.

Между тем ключница Анисья побежала к Василью Игнатьичу.

- Батюшка, Василий Игнатьич, - крикнула она, всплеснув руками, - с Прохором-то Васильевичем что-то приключилось...

- Что такое? - спросил он, уставив на нее глаза. Василий Игнатьич только что протер глаза и сидел в своем упокое, в халате.

- А Бог его ведает, - отвечала Анисья.

- Что ж такое? - повторил он.

- Подите-ко, посмотрите!

- Да ты говори! Что мне смотреть-то? Не видал, что ли, я его? - крикнул он, - ну, что тут могло приключиться?

- Ох, сударь... его испортили!

- Испортили?

- Как в огне лежит, и узнать нельзя. Страшно смотреть!

- Ой ли? Что ж это такое? - проговорил Василий Игнатьич, не двигаясь с места и снова уставив глаза на Анисью.

- Да что вы уставили глаза-то, прости Господи! Подите к нему.

- Да пойду, пойду.

И Василий Игнатьич с некоторой досадой, что его потревожили, погладил бороду, крякнул и пошел.

- Это что за народ собрался? - крикнул было он, входя в спальню, где в самом деле набралось и своих и чужих смотреть на диковинку, как испортили молодого; но все перед ним расступились.

Василий Игнатьич вздрогнул, взглянув на сына, и онемел: на его доброе здоровье и на воображение слова мало действовали, он понимал только то, что было очевидно. Прохор Васильевич лежал, как пласт, с открытыми неподвижными глазами. Внутренний жар раскалил его.

- Что, брат Прохор, - начал было Василий Игнатьич, но остановился в недоумении: ему показалось, как говорится очень ясно по-русски: «что-то не тово». Но что такое это было, он сам не понимал.

- Что ж это такое? - проговорил он, продолжая всматриваться в Прохора Васильевича.

- Ох, испортили, испортили! - проговорила сваха Матвевна, положив голову на ладонку и подперев локотком, - да и Авдотья-то Селифонтовна что-то не в себе: словно полоумная вопит, что это вот “не Прохор Васильевич, а чужой”, говорит. Господи ты, Боже мой, говорю я ей: грех так не признавать супруга своего; ты, сударыня моя, привыкла видеть его все в немецкой одеже, а в своей-то и не узнаешь.

- Да и я говорила, - прибавила стоявшая подле Матвевны баба, - и я говорила: ступай, дескать, сударыня, поплачь лучше над ним; а то, вишь, к здоровому липла, а от больного прочь! Да еще кричит: домой да домой!

Долго Василий Игнатьич стоял над сыном в недоумении; наконец, наклонился над ним и сказал:

- Что с тобой, брат Проша? А где ж молодая-то? - спросил он, вдруг спохватившись.

- Да ушла, ушла в другие упокои, и быть здесь не хочет: боится, что ли, или одурела; говорит, “вишь, что это не Прохор Васильевич, а чужой”.

- Вот! Что она, с ума спятила? Уж я сына не признаю?! Черт, что ли, какой меняет лицо... вот родинка на груди. Ох, Господи, да что ж это с ним такое?

- Известно что: порча! - отвечала Анисья. - Послать бы еще за Еремевной; что ж это она нейдет? Расспросили бы вы, Василий Игнатьич, молодую-то: как это все вдруг приключилось? кому ж знать, как не ей?

- Где она? Подавай ее!

- Где! ушла да вопит, ни за што сюда нейдет.

- Вот! - проговорил Василий Игнатьич, - где ж она?

- Да в девичьей: “домой да домой”!

Василий Игнатьич пошел в девичью. Там Авдотья Селифонтовна сидела на коленях у своей нянюшки, обхватив шею ее руками и приклонив на грудь голову.

- Что ж это такое, Авдотья Селифонтовна? - сказал Василий Игнатьич.

Авдотья Селифонтовна, вместо ответа, всхлипывала.

- Василий Игнатьич пришел, сударыня, - сказала няня.

- Что ж это такое, Авдотья Селифонтовна, каким же это манером? - повторил Василий Игнатьич.

- Да отвечай же, сударыня! Ох, да уж и не спрашивайте ее: она до смерти перепугалась. Сама не знает, что приключилось Прохору Васильевичу.

- Как бы не так! - проговорила, всхлипывая, Авдотья Селифонтовна.

- Так изволь же сказать, что такое случилось с моим Прохором?

- Обманули меня, вот и все! - крикнула Авдотья Селифонтовна, приподняв голову с сердцем, - черта на подставу взяли, да меня не обманете!

- Что ты это говоришь, сударыня! Ох-о-хо, кто-то испортил свадьбу!

Василий Игнатьич почесал в голове и вздохнул.

- Наказание Божеское! - проговорил он, - ох-о-хо! За кем бы послать? Послать разве за Селифонтом Михеичем и Марьей Ивановной?

- Да за дохтуром-то бы послали, - сказала няня, - прописал бы лекарица Дунюшке; сердце так и колотит, и голова словно горячий уголь.

- За дохтуром? - спросил Василий Игнатьич. - За дохтуром? Боюсь, совсем уморит...

Василий Игнатьич был совершенно растерзан. Голова ли у него болела от заздравного вина на свадьбе сына, или перепугала его болезнь Прохора Васильевича, только он был весь не свой. И, как назло, покуда послал за доктором и успел дойти до спальни, где лежал больной, случилась новая беда - точно как *deus ex machina*, столь обыкновенный в *море житейском*...

Мы уже сказали, что и домашняя челядь и все соседки, сбежавшиеся смотреть на свадебную порчу, решили общим советом послать скорее за Еремевной. Ее ждали с нетерпением.

- Поди-ко-сь кто-нибудь, посмотри, не идет ли Еремевна, - повторяли по очереди то Ани-сья, то Матвевна,

У ворот скопилась целая толпа посланных встречать ее.

- Вот, вот, не она ли идет, торопится? - крикнули девушки, увидав подходящую женщину в шелковом, но уже стареньком холоднике, с накрытою платком головой.

- А что, голубушки, - спросила она, - это, что ли, дом Василья Игнатьича Захолустьева?

- Это, это! - крикнули в голос девушки, - пожалуйте сюда!

- А сынок-то его, Прохор Васильевич, здесь?

- Здесь, здесь! Давно уже вас ждет.

- Ой ли? Ах, голубчик!

- Бог весть что сделалось с ним: говорят, порча.

- Ах, что вы это говорите! Что с ним? Где он, где, голубчик мой! - вскричала женщина, побледнев как смерть.

- Сюда, сюда пожалуйте.

- Где он, где? - повторяла женщина, вбегая в спальню. Толпа раздалась перед нею.

- Прохор Васильевич, голубчик мой! - вскричала она и бросилась на больного почти без памяти.

Все стояли молча, как будто в ожидании чуда. Несколько мгновений продолжалась тишина.

- Что ж это такое она делает? - спросила, наконец, Ани-сья соседку Ивановну.

- А вот постой, - отвечала та.

- Еремевны-то нет дома, - сказал запыхавшись приказчик, Евсей Савельич, вбегав в спальню.

- Тс! Она уже здесь.

- Прохор Васильевич, душенька! - вскрикнула женщина, приподняв голову и взглянув на больного. - Душенька, ты ли это? Что с тобой, что с тобой? - И она снова обвинила Прохора Васильевича и начала страстно целовать его, заливаясь слезами.

- Дарьюшка, что это она, с ума, что ли, сошла?

- А вот постой, постой, молчи... вишь, приласкать хочет сперва.

- Ах, мать моя, да это не Еремевна! Еремевну-то я знаю; это какая-то другая.

- Да ты знай молчи уж, послушай, что она причитывает. Между тем Василий Игнатьич послал за доктором, который жил через дом.

Доктор немедленно явился.

- Пожалуйте, - повторял Василий Игнатьич, провожая его в комнату сына, - пожалуйте!

- Что такое сделалось с ним? - спросил медик, расталкивая толпу.

- Да вот, - проговорил Василий Игнатьич.

- Душенька! - вскрикнула снова женщина.

*Жить вредно.
От этого умирают. (С. Лец)*

Прохор Васильевич пошевелил головою, открыл глаза и вздохнул.

- Позвольте! - сказал медик, подходя к постели, - позвольте! - повторил он, взяв женщину за руку.

- Эх, батюшка, Василий Игнатъич, к чему вы призвали лекаря-то, - сказала вполголоса Анисья, - ведь вот уже лекарка почти отговорила его, смотрите-ко, уж очнулся.

- Голубчик ты мой, душа моя, взгляни-ко ты на меня! Ведь я с тобой! Узнаешь ли ты свою Лукерьюшку? Прохор Васильевич!

- Позвольте! - повторил медик, - отведите, пожалуйста, эту женщину: она только тревожит больного.

- Да кто ж ее отведет? - сказала одна из соседок, - она, чай, свое дело знает; делает, что нужно. Не мешать бы ей, так лучше бы было: на порчу-то нет лекарства...

- Позволь, милая, - сказал медик с сердцем. Поди, пожалуйста, прочь!

- Я... прочь от него?! Нет! - сказала Лукерья Яковлевна, оглянувшись на медика, взором полным слез.

- Что это, жена больного? - спросил медик.

- Разумеется, что жена, - отвечала она жалобно. - Кому ж быть-то мне, как не жене его? Кто будет умирать-то над ним, как не я? Прохор Васильевич, голубчик, душенька!

- Это что же такое, - спросил Василий Игнатъич, совсем растерявшись, - Матвевна! Это Авдотья Селифонтовна?

- Ох, Бог с вами, что вы это, Василий Игнатъич!

- Это какая-то безумная, что ли; смотри, пожалуй! Величает себя женой Прохора Васильевича! Да кто ее привел сюда?

- А Бог ее знает, кто-нибудь да привел.

- Позволь, моя милая, - начал опять медик, - ему надо поскорей помочь; а не то ведь он умрет.

- Умрет? Ах, Господь с вами! - вскрикнула Лукерья Яковлевна: - да вы кто такой? Лекарь, что ли?

- Лекарь, милая.

- Так помогите! Помогите, пожалуйста. Уж это не в первый раз с ним; о великом-то посте тоже с месяц без памяти пролежал...

- Да ты кто такая, голубушка? - спросил вдруг Василий Игнатъич, как будто очнувшись и дернув за рукав Лукерью Яковлевну.

- Да жена же его, - отвечала она смиренно, отирая рукавом глаза, - с год пролежал больной, поправился немного, да и вздумал идти сюда: пойду, говорит, к тятеньке; да и пошел... а я осталась; жду день, другой - нет! Я и перепугалась...

- Ах ты, Господи! Да это что такое! Поди-ко, поди, пошла нон! - крикнул Василий Игнатъич, - вишь, со всех кабаков сюда сбегались! Вон! Гони, Евсей, всех их!

- Да что ты, господин, с чего ты взял, что я пойду от мужа?!

- Ну, ну, ну! Вон! Евсей, вытолкай ее!

- Меня вытолкать? Да с чего ты взял, разбойник... Чтоб я оставила мужа на чужие руки!

- Смотри, пожалуй! Ах ты паскудная! Да откуда она взялась? Ведь это черт принес какую-то безумную! Да вытолкайте ее! Ну, ну! вон! - повторял Василий Игнатъич.

- Прохор Васильевич! Голубчик! Смотри-ко, выгоняют меня! Нет, уж этого не будет! - и Лукерья Яковлевна, отбившись от Евсея, который потащил ее за руку, бросилась снова на кровать и обхватила больного.

- Да что ж это за женщина? - спросил медик.

- Безумная какая-то, черт ее принес, - сказал Василий Игнатъич. - Тащи ее, Евсей, вон!

- Да кто с ней сладит?! Потревожишь только больного Прохора Васильевича, - отвечал Евсей.

- Да ты сбегай скорей за будочником: скажи, что какая-то пьяная али безумная затесалась да подняла тревогу, - навела на ум Матвевна.

Лукерья Яковлевна, ни на что не обращая внимания, села на кровать и смотрела в глаза Прохору Васильевичу, обливаясь слезами. Только что он пошевелинется, охнет, откроет глаза и пыхнет внутренним одолевающим его жаром, «Родные мои, подайте водицы, испить ему! - начнет молить она ко всем стоящим подле кровати: - ох, я бы сама побежала, принесла, да боюсь - отнимут тебя у меня... Дайте ему водицы во имя Христа, господя!»

Но ее мольбы прерваны были приходом хожалого с будочниками.

- Где она?... - крикнул хожалый.

Напрасно Лукерья Яковлевна вцепилась в Прохора Васильевича: ее потащили вон из комнаты, потом к воротам.

- Эй! Извозчик! Подавай сюда!

И вот взвалили беспомысленно Лукерью Яковлевну на калибер, и повезли в часть.

- Господи, Господи, что это такое творится в доме! - повторяли, скрестив руки, Матвевна и Анисья, рассуждая между собой и со всей остальной челядью.

Все ахали.

Медик решил, что у Прохора Васильевича воспаление, прописал рецепт, пожал плечами, выслушав рассказ, как все случилось; попробовал пульс Авдотьи Селифонтовны, сказал, что «ничего, просто испуг, пройдет!...», прописал успокоительное и уехал.

Василий Игнатъич долго ходил по комнатам, как потерянный, пришел было в себя, когда явился приказчик с деньгами с почты, занялся было счетами; но доложили, что пожаловали Селифонт Михеич и Марья Ивановна.

Начались рассказы, ужасы, аханья, слезы Авдотьи Селифонтовны, вопли, что ее обманули, что она не хочет здесь оставаться, что она умрет, если ее не возьмут домой.

Селифонт Михеич стоял, слушал, гладил бороду, потирал лоб и молчал, а перепуганная Марья Ивановна повторяла на вопли Дунечки: «Что ты, что ты это, Дунечка! Бог с тобой! Пригодно ли такие вещи говорить!»

Когда все пошли в комнату к больному, Авдотья Селифонтовна сказала, что ни за что не пойдет; но отец грозно проговорил:

- Это что?

- Ступай, сударыня, не гневи родителей, - сказала ей няня.

- Господи! Как вдруг переменялся! - проговорила Марья Ивановна, взглянув на Прохора Васильевича, который лежал в забытьи.

- Что ж, матушка, известное дело: болезнь хоть кого переменит, - сказал Селифонт Михеич.

- Вестимо, что здоровый не то, что больной. Я сам как будто поусомнился, диво ли, что Авдотья Селифонтовна не признала...

- Вот, уж не признала. Ведь она так только говорит. Василий Игнатъич, вы не извольте обижаться, - сказал Селифонт Михеич, - кто ж отрекается от живого человека.

- Да! Отрекается! Черт это! - проговорила вполголоса Авдотья Селифонтовна, спрятав свою голову почти под мышку матери.

- Тс... полно, - шепнула ей Марья Ивановна. - Ох, бедный, бедный, - прибавила она вслух: - в самом деле словно другой человек...

- А я так рассуждаю, - сказал Василий Игнатъич, - что здоровый-то человек не то, что больной. Вот я теперь вижу, что это - Прохор, вылитый Прохор! А как возвратился он из чужих краев да понабрался французского духу, так, признательно вам сказать, ей-ей, не узнал, поусомнился: Прохор, думаю, или нет? Вот что значит, сударь мой, манера-то французская! Совсем ведь другой человек! Истинно скажу: и походка-то не своя, и говорит-то как будто на чужой лад, и ходит-то не так, как люди. Да словом, вы изволили бывать в театре?

- Никак нет, Василий Игнатъич, - отвечал Селифонт Михеич, - ох, уж до театра ли!

- А вы, Марья Ивановна?

- Не привел Бог!

- Жена сказала бы ты: избавил Бог! Бог, что ли, водит смотреть на эту дьявольщину?

- Эх, Селифонт Михеевич! Да ведь это только так представляется. Ну, да что об этом! Так вот, я говорю: и Проша-то словно актер: кажется, русский человек, а как нарядится да прикинется немцем али французом - и черт не узнает! Примерно сказать, Живокини: как нарядится китайцем - китаец да и только! То же и с моим Прошей было: так подделался, собака, под французскую статью... графчик, да и всё тут! Я так рассуждаю: что человека-то меняет французская манера; а вот как болезнь-то прихватит, знаете, так оно и мое почтение-с! Куда денется французская дурь! Так ли, Селифонт Михеич? Как вы думаете?

Селифонт Михеич стоял и думал: «Что тут думать-то? Божеское наказание, и тебе, да и мне тоже!»

- А? вот оно что: я и сам смотрю на Прохора да дивлюсь.

- Ох, Василий Игнатъич, - сказал Селифонт Михеич, - Бог посылает и беду, и недуг на исправление человеку. Дай-то Бог, чтобы и Прохору Васильевичу послужило это в науку. Оно, знаете, и хорошо: павлиньи-то перья, да... Что тут говорить! Не наряжали бы в них вы сынка, а я дочку, так дело-то было бы лучше. Да вот еще что, сударь: сынок-то ваш, проговорила мне жена, купил французское поместье да хочет туда переселиться... Нет уж, извините, я дочери не позволю ехать туда, не позволю!

- Что так, то так, Селифонт Михеич. Проша приценился к поместью, а я и деньги дал в задаток. Поместье наше, - сказал Василий Игнатъич, поглаживая бороду. - Французское поместье, сударь, не то что расейское... У нас степь, поле; хорошо, как есть что посеять, да Бог уродит. А там, сударь, всякой продукт сам собою родится - что год, то благодать и изобилие плодов земных. Примерно, хоть виноград. А как явится комета с хвостом, так такой урожай, что удивление... да еще первого сорту, самое лучшее вино. Самим вам известно кометное шампанское - по сю пору тянется. А комета-то когда была? В одиннадцатом году! А по нашему календарю -

опять будет комета, да еще две... Так оно и тово, сударь, выгодно купить французское поместье. Да еще, с вашего позволения, с графским достоинством. Нет уж, батюшка Селифонт Михеич, упустить такой благодати нельзя, да и не следует. А что вам дочку не угодно отпустить туда с сыном моим, так это мне крайне ощутительно, Селифонт Михеич.

Слова Василья Игнатьича были прерваны внезапным воплем Авдотьи Селифонтовны.

- Дунечка, Дунечка, душа моя, что с тобой? - спросила ее Марья Ивановна, крепко прижав к сердцу.

- Что ты, матушка моя, голубушка моя, - заговорила к ней и няня, глядя ее по голове и целуя в голову, - ну, о чем ты плачешь? Будет здоров твой Прохор Васильевич. Смотри-ко, смотри, он взглянул на тебя...

- Убирайся ты с ним! - крикнула Авдотья Селифонтовна, оттолкнув няню, и еще горчее зарыдала, закинув голову назад.

- Христос с тобою! - проговорила испуганная Марья Ивановна, обхватив дочь обеими руками, - Дунечка, милочка, что с тобою?...

- Дуняша, не годится так реветь! Что, тебя режут, что ли? - сказал Селифонт Михеич.

- Режут! - крикнула Авдотья Селифонтовна.

- Глупая, глупая! Приходится ли так огорчаться, убивать себя! - сказала мать.

- Да, убивать себя, - проговорила Авдотья Селифонтовна, всхлипывая, - если бы я знала, лучше бы умерла!...

- Ох-о-хо, не гневи Бога, Дунечка! - сказала, вздыхая, Марья Ивановна, - не отпевай до времени! Прохор Васильевич выздоровеет, даст Бог.

- А что мне в том, что выздоровеет! - заговорила Дунечка, - тятенька не хочет отпускать меня в Париж ехать... а я не хочу здесь оставаться. Экая радость! Поди-ко-сь! Чтоб все смеялись надо мной: вот, хвалилась, дескать, хвалилась...

- Дура! Ах ты, Господи! Вот, воспоили, воскормили да вырастили горе! - сказал Селифонт Михеич и вышел по обычаю своему - удалиться от зла, от слез, от крику и глупостей.

Марья Ивановна не знала, что говорить: ей только больны были слезы дочери. Ей всегда казалось, что тот прав, кто плачет.

- Полно, полно плакать, Дунечка, - повторяла она, - все перемелется, мука будет.

- Успокойтесь, Авдотья Селифонтовна, - сказал и Василий Игнатьич, - уж будьте в том удостоверены, что будете графиней, дайте только Проше выздороветь... Доктур сказал, что скоро будет здоров. Вместе поедem, ей-ей вместе поедem!

- К чему ж тятенька говорит, что не пустит? - спросила Дунечка.

- Да мало ли что он говорит, - отвечала Марья Ивановна дочери, - ну, статешное ли дело не отпускать тебя? Власть-то теперь над тобой не наша, а мужнина; куда хочет, туда и везет.

Авдотья Селифонтовна, не хуже многих иных, жила чувствами, не размышляя. И потому, что коснется до чувств приятным или неприятным образом, то и вызывает наружу радость или горе. Кстати или не кстати, умно или глупо, лепо или нелепо - это дело другое: дайте сперва накричаться, нажаловаться на судьбу, выплакаться хорошенько, всех собой перетревожить, а потом уж подумать... Да и не подумать, а так - по новому впечатлению чувств быть *довольной* или *недовольной*.

- Лекарство принесли, - сказала Анисья, входя со стлянкой в руках, - да я не знаю, как давать-то его; на ярлыке, вишь, написано...

- Прочти-ка, Дунечка.

Авдотья Селифонтовна помотала отрицательно головой, взглянув с содроганием на Прохора Васильевича.

- Поедemте, маменька, - сказала она матери.

- Куда это, куда тебе ехать?

- Я здесь ни за что не останусь, - отвечала Авдотья Селифонтовна.

Марья Ивановна прикрикнула на дочь, но это не помогло; она снова залилась слезами, завопила, что ее морочат, что подставили ей вместо Прохора Васильевича Бог знает кого.

- Нет, уж вы этого не извольте говорить, Авдотья Селифонтовна, - сказал Василий Игнатьич, - не извольте говорить, что Бог знает кого подставили! На подставку Прохору у меня нет никого. А я вот что смекаю: вас обоих испортили.

- Ох, так, так! - проговорила, вздохнув глубоко, старая няня Авдотьи Селифонтовны, - кто-нибудь сглазил...

- Чего доброго! - прибавила Матвевна, - и сомнения никакого нет.

- Ох, Господи, что вы это говорите! - вскричала встревоженная словами Анисьи и Матвевны Марья Ивановна, - ужели Дунечку мою испортили? Да чем же, чем? Дунечка, душа моя, ты что ж такое чувствуешь, скажи мне? Головка, что ли, болит?

- А Бог знает, что такое, - проговорила Дунечка жалобным голосом, - я ни за что здесь не останусь, в чужом доме.

- Какой же чужой, сударыня моя, - начал было Василий Игнатьич; но слова его были прерваны докладом, что в зале его ожидает квартальный.

- Какой квартальный? - спросил с испугом Василий Игнатьич.

- Нашей части.

Крякнув, Василий Игнатьич пошел в залу.

- Мое почтение, батюшка Иван Федотович, как вас Бог милует? Покорнейше просим...

- Василий Игнатьич, - начал квартальный, присев вместе с хозяином, - дело-то не ладно...

- Что такое, батюшка Иван Федотович? - спросил с испугом Василий Игнатьич.

- Да вот что: ко мне привели женщину, которая доказывает, что она жена вашего сына.

- Помилуйте! Да это, сударь, здесь ее и взяли: какая-то пьяная или полоумная, подняла такой крик...

- Я, конечно, сам поусомнился. Подумал, что, может статься, Прохор Васильевич и имел с ней знакомство - так... когда-нибудь... понимаете? Обещал, может статься, и жениться на ней, да бросил потом. Знаете, все это вещи обыкновенные; так она, может статься, и с ума сошла - бывает. Я слушал, слушал, вижу - очень не дурна собой; только гниль несет: говорит, что в Переяславле у нее брат, что там Прохор Васильевич познакомился с ней в прошедшем году.

- Помилуйте, Иван Федотович! - воскликнул снова Василий Игнатьич.

- Позвольте; это еще все возможное дело, все может статься...

- Да помилуйте, Иван Федотович, в прошлом году Прохор был в Немечине!

- Позвольте, Василий Игнатьич, я ведь не говорю, чтоб это так точно и было. Да ведь кто ж ее знает... может статься, из всего этого возникнет *дело*.

- Господи! - проговорил Василий Игнатьич, - вот послал Бог наказание со всех сторон!

- Позвольте, ведь как возьмешься за дело? Я, конечно, не поверю какой-нибудь бабе; при том же она говорит, что будто Прохор Васильевич в Рохманове лежал больной, а дня с четыре тому назад отправился к вам.

- Экой сумбур! Да что ж ее и слушать, Иван Федотович! Мало ли что наговорит сумасшедшая; сами вы знаете, что Прохор уже месяц как возвратился из чужих краев, а вчера была свадьба. Женили, сударь, его на Авдотье Селифонтовне; да вдруг вот заболел. Бог его знает...

- Оно так, действительно, Василий Игнатьич: да ведь мы обязаны снять допрос. Оно, может статься, и ничего, пустяки - мало ли мошенниц бывает! Да дело-то пойдет в огласку... и вам запросы, и Прохора-то Васильевича на личную ставку потребуют. Так я уже и не знаю, как тут быть? Оно, конечно, может статься, что она в беспамятстве и не помнит, что говорит; да ведь хуже-то всего вот что...

Квартальный вынул из кармана бумагу:

- Извольте-ко посмотреть.

- Что это? Паспорт Прохора?

- Да-с; он у нее был.

- Ах ты, Владыко, Царь Небесный! Да она украла его! - покричал Василий Игнатьич.

- Оно может статься. Да кто ж ее знает. А ведь это все приложится к делу.

- Ну уж этого я не понимаю. Прощенья просим, - сказал Селифонт Михеич, выходя из гостиной.

- Куда ж это вы, Селифонт Михеич?

- В город, Василий Игнатьич. Жена покуда останется здесь. Дунечка-то одурела... Прощенья просим.

- Ох-о-хо! - проговорил Василий Игнатьич, - уж не знаю, что и делать! Прощайте покуда, Селифонт Михеич. Пойдемте-ко, Иван Федотович, ко мне, поговорить; а то здесь все мешают.

- Я вам говорю, что это все чье-нибудь мошенничество, - сказал Василий Игнатьич, кончив совещание: - я так смекаю, что кто-нибудь подучил ее...

- Я сам то же думаю, да и без всякого сомнения, - отвечал квартальный выходя. - А в таком случае - что ж делать? Знаете, чтобы оправить правого, не грех и покривить душою, если нет другого средства...

- Так, так, сударь, так! - отвечал Василий Игнатьич, низко кланаясь.

Между тем Прохор Васильевич лежал без памяти, в сильной горячке. Марья Ивановна, растроганная слезами дочери, принуждена была взять ее домой на время болезни *молодого*. Рассказы дворни о женщине, - которая, откуда ни возьмись! - выдавала себя за жену Прохора Васильевича, дошли через няню со всеми выводами и заключениями и до Марьи Ивановны. Решено было, что что-нибудь да не так: верно, эта женщина - любовница Прохора Васильевича; что она-то, подколodная змея, и испортила свадьбу...

- Нет, матушка, сударыня Марья Ивановна, - говорила няня, - мой совет таков: чтоб и из рук не выпускать Авдотью Селифонтовну! Беда, я вам говорю... эта злодейка отравит ее!

- Ох, что ж ты будешь делать-то с нею? - воскликнула Марья Ивановна.

- Что делать? Да что ж делать-то, матушка: на смерть отдать ее, что ли?

И сама-то она не пойдет туда ни за что, недаром опротивел ей Прохор-то Васильич.

- Ох, согрешили мы! - вздыхая, повторяла Марья Ивановна.

Спустя недели полторы Прохор Васильевич стал приходить в себя. Василий Игнатьич сидел подле него, когда он в первый раз открыл глаза, как будто после долгого сна.

- Что, брат Прохор? - сказал Василий Игнатьич.

Прохор Васильевич взглянул на отца, вздрогнул, отворотил голову и снова закрыл глаза.

Все время болезни за Прохором Васильевичем ухаживала Анисья. Приходя в память, он привык видеть ее около себя, но отвечал на ее вопросы только одним движением головы, как будто закаявшись говорить. Просить чего-нибудь он также не нуждался: Анисья предупреждала его во всем. Только что он откроет глаза или вздохнет: «Не прикажешь ли испить, Прохор Васильевич? Не хочешь ли чайку али супцу? А?... Чайку? Ну, хорошо, хорошо, сейчас; самовар ведь день и ночь не потухает, неравно спросишь».

Равнодушный, неразговорчивый или, может быть, торопливый медик также не требовал от своего выздоравливающего речей, а довольствовался расспросом Анисьи.

- Что, как спал?

- Хорошо, батюшко.

- А все исправно было?

- Как же, сударь.

- Ну, а что аппетит?

- Кушал, батюшко, овсяную кашку.

Потом подходил к больному и, пощупав пульс, командовал ему: «Язык!» Прохор Васильевич, высунув язык, ждал, покуда медик скамандует: «Хорошо, довольно!»

- Что, лекарство еще есть?

- Есть, батюшко, есть еще, довольно.

- Ну, я пропишу другое.

- Да уж не будет ли и того?

- Ну, уж это не твое дело.

- Ну, пропиши, батюшко, пропиши, - говорила Анисья, - да написал бы в аптеку-то, чтоб не брали, собаки, так дорого за лекарство: ведь что день, то красная бумага.

- Ну, уж это не мое дело, - отвечал медик и отпирлялся.

Анисья садилась подле больного и, надвизывая чулки, беседовала сама с собою:

- Вишь ты, гладкой какой! «Не его дело!» А того не знает, что Василий Игнатьич сердится, что на лекарство денег много идет... Чем бы на меня-то кричать, лучше бы на него прикрикнул, право! Вот уж народец: не пожалеют, небойсь, чужого добра! Что, дескать, чужое-то, ведь это не свое... Разбойники, прости Господи! Всякой своей правдой хочет жить, а что правда-то их? Кривда! Что, не поднять ли подушки? Али испить? Испей-ко! Господи, благослови! Ах ты, сударик мой хороший, чей это черный глаз тебя сглазил, или уж зелья какого поднесли? Легко ли, словно мертвый лежал ты девять дней! Чу! Никак Василий Игнатьич идет?

Только Василий Игнатьич в двери, Прохор закроет глаза и отвернет голову к стене.

- Что, Анисьюшка? Что, Проша?

- Слава Богу, только слаб очинно. Ни на что не жалуется. Сейчас прихлебнул чайку...

- Спит, стало быть?

- Уснул, верно; а сейчас, вот сейчас только глядел глазками.

- Ну, пусть его спит. Дохтур-то, чай, опять прописал «рецепт»?

- Прописал, прописал.

- Ну, так ведь, ей-ей, не то чтобы жаль было денег, да жаль за дрянь такую платить Разоренье, да и только! Я бы, право, плюнул на эти «рецепты»!

- Ну, уж, Василий Игнатьич: кто ж помог Прохору Васильевичу, как не он.

- Ах ты дура, дура! «Помог»... Эка помощь! Как лежал пластом, так и теперь лежит.

В самом деле, прошло еще несколько дней, а Прохор Васильевич лежит как пласт и не думает вставать с постели. Всем бы, кажется, здоров: ночь спит крепко, напьется чайку с подобающею жаждою, похлебают овсяной кашки, съест кусочек курочки да пару печеных яблочков с надлежащим вкусом, заснет, опять проснется, покажет язык доктору, примет лекарство, послушает, о чем говорит сама с собою Анисья, отвернется к стене и закроет глаза, когда войдет отец, - все, кажется в исправности, а лежит себе да молчит: точно как будто боится выздороветь, чтоб тятенька не убил.

И Бог знает, как вышел бы из этого положения Прохор Васильевич; без *deus ex machina*, - кажется, и не вышел бы. В один вечер пробралась на двор черница.

- Добрые люди, - сказала она, становясь в дверях людской, - пустите, ради Господа Бога, переночевать богомолочку!

- Откуда ты, мать моя? - спросила ее стряпуха Ивановна.

- Ох, издалека, голубушка.

- Утомилась ты, я вижу. Войди, милости просим; переночуй, найдем порожний угол.

После долгих разговоров, взаимных расспросов и рассказов черница, когда дошло дело и до больного и до события на свадьбе, слушала, устремив на Ивановну неподвижные глаза, в которых копилась слезы. Дыхание ее становилось тяжело, она, казалось, ничего не понимала.

- На свадьбе! Кто женился?

- Да Прохор же Васильевич, говорю я тебе.

- Голубушка! как женился? когда?

- Чай, уж недели две. На дочке Селифонта Михеевича... хорошо бы, кажись, да так, что-то не по сердцу; а тут еще такой случай... Что с тобою, мать моя?

- Ох, закружилась что-то голова, - проговорила черница, надвинув на лицо черный платок, которым покрыта была ее голова. - Господи, Господи, согрешила я перед тобою! - воскликнула она неволью.

- Испей, мать моя, водицы... Что, али сильно ломит голову?

- Ох, болит, болит, мочи нет!

- Бедная! Приляг.

- Ох, нет! Что тут об себе думать? Ваш больной-то, чай, умирает... Вот, снеси ему просвирку, скажи, что за его здоровье вынута. Снеси, пожалуйста!

- Ладно, ладно; да ты-то тут не умри! - сказала испуганная Ивановна.

- Ах, нет; у меня так это бывает...

- То-то! Пустишь чужого человека в дом, да после и валандайся; добро бы я хозяйка была, а то - что...

- Не бойся, пожалуйста. Я говорю тебе, что это так у меня; вот и прошло. Ох, да как же я люблю ходить за больными! Я бы походила и за вашим...

- Уж где тебе; ты и сама-то, вишь, слабая какая.

- Бог дает силы и слабым на добрые дела. Право, я бы походила за вашим больным. Что-то сердце говорит, что я бы ему помогла - молитвой помогла бы.

Ивановна посмотрела с участием на черницу.

- Да, хорошо, хорошо, - сказала она, - я вот пойду, скажу Анисье Семеновне. Она еще и рада будет: истомилась бедная, сколько ночей не спала...

Ивановна, взяв просвирку, пошла наверх, а черница, оставшись одна в горенке, залилась горькими слезами, припав к столу. Ей так хотелось выплакать не одно только горе, а душу; но едва послышались шаги Ивановны, она встрепенулась и отерла слезы.

- Пойдем к Анисье Семеновне, - сказала Ивановна, - она еще как рада, сама все думала пригласить сиделку, да некого было.

- Ах, пойдем, - проговорила тихо черница, - я хоть век просижу подле больного, у меня сна совсем нет.

Вслед за Ивановной она пошла наверх. Анисья встретила ее в девичьей и истомила расспросами.

- Ну, как же я рада, что нашелся такой добрый человек, как ты! Пойдем к больному. Он забылся; тихохонько...

Входя в роскошный покой, где лежал Прохор Васильевич, черница, видимо, содрогнулась. Подойдя к постели больного, она схватилась за кровать, и взор ее, как прикованный, остановился на нем.

- Сядь, сядь, милая, - повторила Анисья и наконец насильно взяла ее за руку и посадила подле себя на стуле.

- Ах, потише говорите, он уснул, - сказала черница.

- И то шепотом говорю, - отвечала Анисья, - какая ты осторожная.

И Анисья начала снова расспросы про то, про се, откуда, куда, где бывала, что видела. Бедная черница как будто перезабыла все и отвечала рассеянно.

- Э, какая ты неговорливая, - сказала Анисья, начиная уже дремать, - фу, какая здесь духота!

- Вы бы пошли уснуть, Анисья Семеновна, я посижу.

- Ладно. Да ты не заснешь? Сажала я в прошлые ночи Дуняшу да Машу. Куда! Только отвернись, они уж и спят!

- Нет, я не усну.

- А как же быть-то, как он проснется да испугается тебя?

- Не испугается, отчего же испугаться? - проговорила черница.

- Как не испугаться: чужая женщина, вся в черном; хоть с головы-то сняла бы ты шапочку-то свою.

- Я сниму.

- Ну, ладно; смотри, как проснется, позови меня, я в девичьей лягу.

Анисья вышла.

Черница сбросила с головы платок и шапочку, упала на колена перед образами, и, заливаясь слезами, молилась. Когда душа загорается во взорах и выступает на уста молящейся женщины, взгляните тогда на нее и сами молитесь...

После долгой молитвы она прислушалась вокруг, встала, подошла к кровати, сделала движение, чтоб прикоснуться к больному, но, казалось, не смела, боялась нарушить его сон.

- Прохор Васильевич! - произнесла она тихо и повторила несколько раз.

Больной вдруг вздрогнул, очнулся и устремил на нее глаза.

- Тс! Не пугайся, это я - твоя Лукерьюшка... Узнаешь ли ты меня?

Прохор Васильевич приподнялся, протянул к ней руки, но ни слова. Казалось, чувства его снова помutilись.

- О, Господи, что я сделала! - проговорила Лукерья Яковлевна, и она обхватила руками своего мужа.

- Лукерьюшка! - проговорил он, наконец.

- Узнал, узнал меня! Дай же мне теперь выплакаться! - произнесла она, задушив голос, и зарыдала.

- Что ты плачешь? - сказал Прохор Васильевич после долгого молчания.

- Тс, тише, тише! Да, я плачу: ты забыл меня, ты... - Она не могла продолжать.

- Я забыл?! Нет...

- Тебя женили на другой. Погубил ты меня.

- Ох, не говори. Неправда!

- Как неправда?

- Неправда! Я все тебе скажу... О, Господи! Лукерьюшка, уйдем отсюда: я боюсь тятеньки; я боюсь на него смотреть... Уйдем отсюда!

- Уедем, уедем, куда хочешь! Да как же это: говорят, что ты женился...

- Ох, не говори теперь... уйдем поскорей!

- Куда ж теперь идти? Как идти?

Прохор Васильевич задумался.

- Как уйти? - повторила Лукерья Яковлевна: - ты еще болен...

- Как-нибудь, Лукерьюшка.

- Да как же?

И задумались они оба, и ничего не могли придумать...

(Продолжение следует)

Александр Фомич Вельтман.

Обожаю женщин, но терпеть не могу их общества. (Анри де Монтерлан)

Улица безлюдная...

Ночной порой...

Ночной порой за грусти кругом
Сверкнет надежды нашей штрих...

Не называл меня ты другом,
Но скорби вынес за двоих.

Не поднимал за дружбу чаши,
А только тихо напевал

Мотив, что предки пели наши
В краях озёр, лесов и скал.

Земных страстей огонь не вечен -
Он пеплом ляжет позади.

Не часто ласково привлечен
В ком сердце пылкое в груди.

Не кистью пишутся картины,
Стих не выводится пером.

Вселяет лад огонь лучины
Душе, что полнится теплом.

Не называл меня ты другом
И кляв пустяшных не давал.

Не ждал, чтоб кто-то по заслугам
Восторги всуе выражал...

Александр Лазутин.

Сайт "Свете Тихий"

Улица безлюдная, улица холодная,
снег кружится в воздухе, ветер гонит снег,
ночь пришла холодная, ночь пришла безродная,
и бредёт по городу странный человек.
За столом обеденным не сиделось вечером,
за порог гнала его чёрная тоска,
он ведь знал, что ждать ему абсолютно нечего
- не споёт под тувелькой старая доска.
Шорох платья чёрного не раздастся в спальне,
штора не задёрнется женскою рукой,
он в огромном городе стал до жути маленьким,
с этою огромною, страшною бедой.
Мимо окон праздничных, где беды не чаяли,
где гирлянды гроздьями и из ваты снег,
где-то далеко от всех, за седыми далями,
брёл один по городу странный человек.
Всем казалось: вот оно, счастье бесконечное,
совершится, сбудется, и любовь близка,
и кружились в воздухе звёздочки беспечные,
но одна вдруг лопнула у его виска.

Юрий Берг.

Сайт "Свете Тихий"

ЧЁРНАЯ ЖЕНЩИНА

Николай Греч
С.-Петербург, 1796

Начало в № 74

Роман.

Книга первая

XI

Яркий луч утреннего солнца разбудил Кемского. Друзья его еще спали глубоким сном. Он встал потихоньку, оделся, взял шляпу и вышел из дому. Сам не зная куда, побрел он по двору пономаря, повернул направо к красивому домику, в котором ставни были еще заперты, сделал еще несколько шагов и вдруг очутился посреди самой очаровательной картины - на вершине горы, склоняющейся легкою отлогостью к живописному озеру, окруженному сизыми горами. Разноцветные деревья в самых прелестных отливах, от темно-зеленой сосны до позлащенной осенью березы, смотрелись в тихой воде, поднимаясь уступами на отлогостях; в других местах берег был крутой и обрывистый. Над горами и деревьями стоял прозрачный туман, над туманом сияло солнце. Никто не прерывал глубокого молчания. Кемскому казалось, что он стоит над одним из озер дикой Канады. Он начал спускаться вниз по дорожке, проложенной к озеру. На каждом шагу виды менялись. Когда он был на половине горы, раздались на ее вершине унылые звуки флейты. Трепет пробежал по его жилам. После быстрой прелюдии послышалась какая-то прелестная мелодия, дышавшая сладостью и нежностью стран южных, не искусственная, имевшая характер народной песни, унылой и выразительной. Жалобные тоны, сначала звонкие, стали мало-помалу утихать и замолкли в пустыне; чудилось, что тихий воздух легким навеванием отвечает умирающим звукам, и совершенная тишина по-прежнему водворилась над озером. Кемский долго еще стоял на одном месте и прислушивался, не будет ли продолжения. Нет! Все было тихо. Он медленно пошел далее и приблизился к краю пустынного озера, гладкого, как поверхность чистого зеркала. Вправо от дороги, на выдавшемся в воду утесе увидел он сидящего человека и вскоре узнал в нем вчерашнего артиста. Кемский подошел к нему и увидел, что он снимает на бумагу вид озера, посматривает на прелестный ландшафт холодно и беспечно, а на работу свою с приметным удовольствием, которое иногда превращалось в порывистые восторги, выражаемые громкими восклицаниями. Вчера был он тих, скромн, молчалив, при каждом слове запинаясь, ни разу не забывал примолвить к ответам: "Ваше сиятельство", а ныне сделался бодр, смел и, завидев князя, вскричал с радостью:

- Вот умно, что вы встали пораньше и догадались выйти на озеро! Вся петербургская губерния не стоит этого укромного местечка! Что за переливы цветов! Какие группы деревьев!

- А это прекрасное место, конечно, не стоит вашей картины? - спросил Кемский, ожидая, что художник не примет этой хвалы и скромно отдаст преимущество природе. Не тут-то было.

- Разумеется! - вскричал он. - Ну что здесь важного! Несколько сот бочек стоячей воды, земля, грязь и камень; кое-где сосны, ели и березы - все это, правда, освещено, но не везде как должно. А картина - это дело другое. В натуре случайное слияние предметов - на картине обдуманное, рассмотренное со всех сторон, отделанное в малейших подробностях целое! - Засим полился еще длинный ряд сравнений искусства с природою, ко вреду последней.

Кемский, видя, что художник упрямо стоит в своем мнении и никак не хочет переменить его, перестал спорить. Между тем солнце поднялось выше, туман над водою исчез, и все предметы озарились ярким дневным светом.

- Вот видите, сударь, что значит ваша природа! - сказал Бериллов. - Куда девалась прекрасная картина осеннего утра? Пропала, может быть, надолго. Чего доброго, завтра набегут тучи, польется дождь, а там, не успеешь оглянуться, и зима; озеро это превратится в гладкую степь, между тем как моя картина... - Он посмотрел на свой эскиз с родительским чувством, почти сквозь слезы. Вдруг задумался, бросил взгляд на озеро, потом на бумагу, взял карандаш и начал поправлять. Кемский долго стоял и смотрел на работу, но живописец не видал и не слышал его, работал присвистывая. Через несколько времени опустил он левую руку в карман широкого сюртука, вытащил ломоть черствого хлеба, начал грызть его, не прерывая работы, и только по временам сдувая хлебные крошки, сыпавшиеся на бумагу. Сам он мог бы служить прекрасным образцом для живописца: в глазах блистало вдохновение, на устах изображалась улыбка; иногда являлось на них выражение боязни и недоумения, но и эта тень исчезала пред лучом, излетающим из глаз.

Наш мечтатель глядел на него с участием и удовольствием: лицо артиста казалось ему знакомым; он где-то видал эти глаза, этот рот - но давно, очень давно. Наконец живописец произ-

нес громко: "Довольно!", посмотрел еще раз на озеро, потом на свою работу, вздохнул, свернул бумагу и весь прибор, встал и хотел идти. Вдруг увидел он князя:

- Ах, ваше сиятельство! Вы изволили быть здесь - извините-с..., не заметил. Виноват, кругом виноват, а я так заработался.

- Пойдемте к нашему больному, - сказал Кемский, - он, чай, уж давно встал.

- Как прикажете-с... в самом деле-с... - отвечал Бериллов, кланяясь, и они пошли обратно на гору, в постоялый дом. Вышатины и Хвалынского застали они за чаем.

Первым предметом разговора их было воспоминание о приятном вечере накануне.

- Скажи, пожалуйста, Вышатины, - спросил князь, - кто этот Петр Антонович Алимари? Этот человек очень меня интересует.

- Право, не знаю, - отвечал Вышатины, - он появился здесь за неделю пред сим, остановился у пономаря, ходил с флейтою в кармане по горам и по болотам, собирал редкие растения; узнав, что я лежу здесь больной, один, и скучаю - он посетил меня как соседа. Нога моя в то время жестоко болела. Алимари, случась однажды при перевязке, доказал лекарю, что он не так меня лечит, советовал бросить все его мази; сам нарвал в болоте каких-то трав, сделал из них припарку и приложил к больной ноге. На другой же день я почувствовал облегчение, и с тех пор нога стала приметно поправляться. Вчера переменял он травы и сказал, что дня через три можно будет выйти и отправиться в город.

- Стало, он врач! - сказал Хвалынский.

- И я то же думал, - отвечал Вышатины, - но он объявил мне, что никогда врачом не был, а занимается исследованием природы из любви к наукам и имеет несколько важных, но простых рецептов, собранных им на путешествиях по всем странам света. По прозвищу своему он италиянец, но, кажется мне, родился в России. Впрочем, мне совестно было допытываться подробнее. Довольно того, что он человек добрый, умный и образованный.

- И знаток в художествах, - прибавил Бериллов, - я видел у него картину, мадонну Карлина Дольче: он возит ее с собою не в раме, а в деревянном ящичке - редкая вещь! Он глядит на нее по часам и плачет - так сказывала мне служанка пономаря. Конечно, он и сам художник, когда так хорошо понимает и чувствует искусство.

- Может быть, - сказал Вышатины, - но в нем всего для меня приятнее нрав его, кроткий, ровный, любезный. Он иногда бывает в необходимости противоречить другим и делает это с большою пощадою и скромностью. Однажды только, в продолжение дней десяти нашего знакомства, заметил я необыкновенное в нем волнение. Мы беседовали о здешней северной природе, о чудесных ее гранитах, о прекрасных озерах, о живописных видах. Пастор заметил мимоходом, что, по мнению некоторых геологов, Финляндия получила настоящий свой вид от землетрясения. При этом слове Алимари побледнел и задрожал. Мы испугались, спрашивали, что с ним сделалось, здоров ли он; он отвечал, что это ничего не значит, и вскоре оправился. С тех пор мы стали в беседах наших избегать этого предмета, и он о том никогда не заговаривал.

В это время вошел в комнату камердинер Вышатины и подал ему записку, полученную от Алимари: он извинялся, что не может прийти по приглашению к обеду, и уведомлял, что должен ехать в город, где присутствие его необходимо; советовал Вышатины продолжать употребление прежних средств и предсказывал скорое исцеление. В заключение записки благодарил он за приятные вечера, проведенные в дружеской беседе, и просил поклониться друзьям. Эта записка всех привела в уныние, потому что все ждали Алимари, все горели нетерпением насладиться его беседою.

- Жаль, - сказал Вышатины почти сквозь слезы, - жаль! Я так свыкся с этим почтенным старцем, что не знаю, как проведу здесь еще несколько дней моего карантина. Впрочем, мне гораздо легче, и сегодня еще еду в город. Барометр падает, как говорил мне пастор, и мне не хотелось бы погрязнуть в финских болотах. Другое дело, если б здесь был мой почтенный Алимари, мой мудрец, Сократ.

- Только этот Сократ, - примолвил Хвалынский, - слишком легковверен и наполнен предрассудками: верит в домовых, в чертей, в ворожей.

- А настоящий-то Сократ, - прервал с досадою речь его Кемский, - разве не верил своему демону, разве не советовался с ним? Сократ таким же образом жил посреди софистов, отвергавших все по расчетам своего слабого рассудка, и учил людей тому, что внушало ему сердце и созерцание природы. Сократ не отвергал богов своего отечества, но умел отличить божество от истукана.

- Вот таков и Алимари! - вскричал Вышатины. - Я не думаю, чтоб он верил всем преданиям римской церкви, но он не сядет за стол, не перекрестясь. Никогда не вырывалось у него ни малейшего замечания насчет святости религии, и, когда, бывало, мы с пастором станем посмеиваться над папою, он нам не противоречит, а молчит, улыбаясь. Нет, друзья! Такие люди, как он, редки в этом свете. И если вы меня любите, то перестанете остриться и делать замечания на его счет. Пусть вы будете и правы, но мне, признаюсь, больно слышать о нем что-либо кроме

хорошего. Эй, Федька! Подай шампанского! Выпьем за здоровье моего исцелителя, а потом кое-как поплетемся на зимние квартиры.

Все исполнено было по диспозиции. Выштин угостил в последний раз доброго пастора, уселся в карете с художником и отправился в Петербург. Кемский и Хвалынский последовали за ними. Во всю дорогу молчание прерывалось только короткими фразами. Кемский был погружен в глубокую думу.

XII

Новый мир открылся пред нашим мечтателем. Дотоле не удавалось ему найти человека, который мог бы, постигая его, разделять с ним его впечатления и ощущения и, превосходя его умом, познаниями и опытностью, объяснять ему то, что в жизни и в свете казалось ему непонятным. Товарищи не могли удовлетворить беспокойному любопытству Кемского: одни из них его не понимали, другие над ним смеялись. Хвалынский с участием слушал его рассказы, но не разделял его ощущений и мыслей: наслаждаясь настоящим, он забывал будущее и не думал о прошедшем. Выштин был человек умный, образованный, но светский и слишком налитанный тем, что в то время называлось философиею. Кемский искал пищи у записных ученых, но и там не находил ничего. Один был просто профессор или, лучше сказать, педант, произведенный из немцев в надворные советники и получавший тысячу рублей в год за то, чтоб два часа в неделю читать кое-что по тетрадке, списанной с печатной книги; другой - на вопросы пламенного юноши отвечал исчислением книг, в которых можно найти удовлетворительное разрешение и которых он сам не читал за недосугом; третий - старался объяснить бытие мира сравнением его с деревянными часами; четвертый отвечал глубоким вздохом и текстом из Библии. Все прочие единогласно приписывали мечтания и видения обманам чувств или козням шалунов, а предчувствия называли случайностью или последствием несварения желудка. Явился человек умный, просвещенный, добродушный, способный рассеять сомнения юного искателя истины, готовый его просветить, наставить и успокоить, но он явился и исчез, как мечтание утреннее, как те лица, которые нам представляются иногда в сновидениях: человек нам знакомый, близкий, любезный, мы его помним, знаем, радуемся, что с ним свиделись, но, проснувшись, убеждаемся, что он дотоле существовал только в глубине души нашей; может быть, перенесен был ею из другого мира, в котором она обитала до переселения в нынешнее свое жилище?

Тщетно искал Кемский нового своего знакомца. Никто из всех приятелей молодого человека не знал его. Все расспросы и поиски были напрасны. Бедный мечтатель походил на странствующего рыцаря, ищущего пропадшей Дульцинеи. Однажды случай польстил ему надеждою, но ненадолго. Он был в итальянском театре. Играли любимую его оперу, *Il matrimonio segreto*. Музыка слушал он внимательно, но при речитативах посматривал в ложу первого яруса, занимаемую его сестрицею. Иван Егорович сидел, вытянувшись в струнку, на второй скамейке, бессмысленно глазел на театр, не понимая ни слов, ни музыки, и только при звуках барабана скромною улыбкою изъявлял удовольствие. На первой скамейке справа рисовалась Алевтина, а налево сидела Наталья Васильевна. Любя страстно музыку и сама играя прекрасно на фортепиано, она прикована была к сцене глазами, слухом и душою; не видела ненавистного ей Кемского, не знала даже, что он в театре, и в полной мере наслаждалась прелестною гармониею. На прекрасном лице, в выразительных глазах ее отсвечивалось душевное удовольствие. Кемский был в третьем небе: пред ним оживилась мраморная Галатея. Кончился акт; все сидевшие в креслах встали, но он сидел, боясь появлением своим смутить и разочаровать строгую Наташу. Лорнет Алевтины производил между тем инспекторский смотр по всей зале. Вот один из соседей его заговорил с кем-то в партере.

- Каково? - спросил он по-итальянски.

- Прелестно, - отвечали ему, - сегодня я дома.

Кемский вздрогнул: это был голос Алимари. Он привстал, оборотился к партеру, но за толпою не мог его увидеть; бросился опрометью из кресел, пробрался в партер, искал, искал - Алимари не было.

- Не выходил ли из партера высокий, худощавый господин? - спросил он у капелдинера.

- Не могу доложить, - отвечал он, - мало ли кто выходит в антракте!

Кемский воротился на свое место в досаде и печали.

- Позвольте узнать, - спросил он наконец у соседа, разговаривавшего с Алимари, - с кем вы говорили в партере в начале антракта?

- С господином Алимари, - отвечал тот.

- Скажите мне, пожалуйста, коротко ли вы его знаете? Нельзя ли сказать мне, где можно его найти?

- Этим не могу я вам служить, - отвечал незнакомец. - Я служу в конторе банкира барона Ралля; у нас открыт одним венецианским домом кредит на имя господина Алимари. Он иногда приходит к нам и получает деньги. Мы с ним кланяемся на улицах и разговариваем о погоде.

- В известные ли сроки он к вам приходит? - спросил Кемский.

- Нет, как случится: иногда мы его не видим по полугоду.

- Не можете ли вы мне сделать одолжения, - спросил Кемский, - когда к вам явится Алимари, узнать, где он живет, и сообщить об этом мне. Вот мой адрес. Я имею крайнюю надобность с ним видаться!

- Охотно! - сказал молодой человек, взяв адрес, наскоро написанный карандашом на визитной карточке. Заиграла музыка, и начался второй акт.

Кемский не видал и не слышал ничего, что происходило на сцене: беспрестанно смотрел на прелестную Наташу и размышлял о таинственном Алимари. Вдруг заметил он какое-то беспокойство в чертах лица и в движениях Наташи. Она стала повертываться во все стороны, бросив взгляд на кресла, увидела Кемского и вздрогнула. Сперва бледная, потом алая краска пробежала по лицу ее, но вскоре оно опять приняло обыкновенное свое выражение. Наташа обратилась к сцене и не спускала с нее глаз. Кемский, увидев, что его заметили, перестал смотреть на нее, глубоко вздохнул и обратил глаза в другую сторону зала. При выходе из театра сказал он своему соседу:

- Мне странно и удивительно, что вы не познакомились короче с господином Алимари, имея к тому случай. Он человек необыкновенно интересный: умный, образованный.

- Верю, - отвечал молодой человек, - но нам в банкирских конторах некогда беседовать с приходящими. Беда, если завидит наш строгий принципал, что мы оставляем работу! Однажды только, когда Алимари пришел за деньгами и кассира не случилось в конторе, сам барон приказал мне занять незнакомца разговором, и я побеседовал с ним несколько времени. Он действительно человек умный, любезный, но - извините - странный. Вообразите, он верит магнетизму, этой дерзкой выдумке шарлатанства и корыстолюбия; ездил во Францию именно для того, чтоб видеть на самом деле явления этой небывалой и невозможной силы, и чуть было не вызвал на дуэль некоторых членов Парижской Академии Наук, доказывавших лживость и нелепость учения Месмерова. На возражения и насмешки мои он отвечал скромно и учтиво и предложил мне испытать над самим собою эту силу, которая непреодолимо подчиняет одного человека душевному влиянию и воле другого.

- И вы испытали ее?

- Нет! Мне не до того, да и кто станет заниматься этим вздором!

- Нельзя ли, - продолжал Кемский с выражением возрастающего любопытства, - сообщить это средство мне?

- Охотно, - отвечал молодой человек, - Алимари утверждал, что можно одною волею принудить человека, который на вас не смотрит, оглянуться и отвечать вам взором. Он утверждает, что для этого должно только смотреть на человека несколько секунд пристально, хотя бы с тылу, и думать о нем исключительно. Не вздор ли это? Ах, извините: вот мои дрожки, прощайте, до свидания.

Молодой человек скрылся из сеней театральных. Кемский вспомнил о нынешнем вечере, вспомнил о Наташе, как она невольно почувствовала действие его одушевленных взоров и принуждена была взглянуть на него. "Если магнетизм действует на эту холодную и равнодушную женщину, - думал он, - чего ж он не произведет в душе пламенной, отверзтой впечатлениям пылких страстей!"

XIII

Мечтания и сновидения Кемского прервались великими происшествиями в мире существовавшем. Скончалась Екатерина II, и со вступлением на престол императора Павла Петровича началась новая эра для службы, особенно военной. Многие товарищи нашего князя жаловались на строгость и взыскательность новых начальников, на трудность и беспокойство строгого порядка, на неприятную им форму новых мундиров и прически и едва не со слезами смотрели на прелестные свои фраки, произведения бессмертного Кроля, с которыми должно было расстаться навеки. Кемскому эти перемены были не только сносны, но и приятны. Деятельная служба заняла все минуты его жизни: он перестал тосковать, реже мучился мечтаниями и после ученья, продолжавшегося несколько часов, после суточного караула, в котором уже нельзя было, по-прежнему, спать всю ночь на пуховиках, наслаждался крепким и здоровым сном. Единообразная воинская одежда также была ему по нраву: он не любил наряжаться, не терпел перемен по прихотям моды и был в этом отношении жертвою своего портного, сапожника и камердинера, которые иногда отставали на целый месяц от моды и подвергали светского юношу замечаниям и насмешкам досужих товарищей. Но теперь он имел время и возможность привыкнуть к своей

одежде, а она могла прильнуть к нему и сделаться его собственностью; до того же времени ему казалось, что он всегда ходит в чужом платье. Исправность его, прилежание к службе и неутомимость вскоре были замечены начальниками: его перевели в гвардию, к душевному огорчению Алевтины, излившимся в высокопарных поздравлениях.

В самый тот день, когда отдано было в приказе о его перемещении, лишь только он успел примерить свой новый мундир, получил он записку о том, что наряжен в ночной караул в Зимнем дворце, при печальной комиссии. К одиннадцати часам вечера отправился он туда со своим отрядом, под начальством гвардии капитана. Его самого отрядили к телу покойной императрицы. Все это сделалось так поспешно и неожиданно, что он опомнился не прежде, как в самой траурной комнате. Там картина торжественная, преисполненная невыразимого величия, представилась глазам его. Посреди огромной залы, обитой черным сукном, увидел он великую императрицу, на парадной постеле, в царском облачении, безгласную и бездыханную. Дым свеч носился над нею как облако. Дежурные кавалеры и дамы стояли в безмолвии вокруг смертного одра величия земного; тихие звуки утешения небесного слышались из уст протодиакона, читавшего Евангелие.

Кемский, взирая на божественные черты усопшей, погрузился в глубокое уныние. Било двенадцать. Некоторые из дежурных удалились в другие покои; прочие сели на стульях, стоявших вдоль стен траурной залы. Голос чтеца ослабевал. Свечи тускли. Вдруг растворились двери из другой комнаты: человек высокого роста в глубоком трауре в предшествии придворного служителя вошел в залу тихими шагами, приблизился к эстраде, перекрестился по-католически, преклонил колено, тихо произнес: "Екатерина!" и заплакал. Через несколько минут безмолвной молитвы он встал, обернулся; взоры Кемского остановились на нем; это был Алимари. Он узнал князя, подошел к нему и с горестным безмолвным приветствием пожал ему руку.

- И вы пришли проститься с прахом нашей великой Екатерины! - сказал Кемский.

- Вашей? - тихо возразил Алимари. - Вашей? Она принадлежит всему роду человеческому, не одной России. И я, не русский по происхождению, был ее вернейшим подданным: я был свидетелем прибытия государыни в Россию, имел случай видеть ее занятия науками и изучением России, я стоял на крыльце Зимнего дворца в ту минуту, как она вступала в царское жилище, в день восшествия своего на престол, видел ее потом и на блистательных каруселях, и в торжественных шествиях; неоднократно смотрел издали, как она прогуливалась по царскосельским аллеям, в глубоком размышлении о славе и величии своего народа; я слышал в течение тридцати четырех лет и громовые звуки побед ее, и тихие благословения, возносившиеся за нее из мирных хижин к престолу предвечного. Знаете ли вы, что есть государь, и государь великий, добрый, правосудный? Недаром облачаем мы его земным блеском и величием в сей жизни и сами, подданные, восхищаемся и гордимся этим блеском, этим величием! Вообразите себе: миллионы существ, одаренных чувством и душою бессмертною, живут в мире под кровом и защитою одного из земнородных, а этот земнородный есть государь их. Вообразите, что спокойствие, благоденствие, душевное достоинство сих миллионов зиждется волею и трудами государя; вообразите, что из подвигов этого государя истекает счастье или несчастье миллионов людей, еще неродившихся, - и после этого рассудите, с каким благоговением должны мы приближаться к смертному одру тех из сих государей, которые свято исполнили долг свой на земли и теперь, пред троном Вседержителя, дают отчет в своих делах, помыслах и чувствованиях.

- И для чего они не бессмертны? - с унынием сказал Кемский.

- Для того, что должны управлять смертными! - отвечал Алимари. - Неужели вы думаете, что ангел бессмертный и бесплотный мог бы жить и действовать посреди людей, волнуемых страстями и пороками? Сверх того, всякий человек, и самый великий, есть произведение своего века. Век Екатерины минул, и дух ее оставил земную оболочку. Век новый наступает, век чуждый той, которая была превосходнейшим созданием своего века; но память Екатерины пребудет священной потомкам, и при звуках новой славы раздаваться будут в великих воспоминаниях отголоски дней Кагула и Чесмы, и новые законы будут опираться на премудрые уставы великой законодательницы, и грядущие поэты с умилением будут повторять гимны певцов Екатерины!

Вы молоды и увидите будущее поколение. Великие судьбы ожидают Россию в грозных бурях, которые собираются на западе; блистательная слава озарит ваше отечество, но внуки ваши с жадностью будут внимать повествованиям деда о днях минувших, о днях Екатерины. Скажите им, что вы знали республиканца, который четыре раза искал крова и защиты под скипетром самодержавной императрицы и на хладных берегах гостеприимной Невы проклинал свободу цветущей Венеции.

Алимари вновь подошел к эстраде, преклонил колено, перекрестился, встал и вышел из комнаты. Кемский в сии торжественные минуты не мог думать ни о чем, кроме того, что представлялось глазам его. Он еще раз упустил случай узнать, где можно найти ему Алимари, и в

этот раз не мог даже упрекать себя в оплошности. Прежняя тишина водворилась в зале. Ночь прошла для Кемского в глубоких размышлениях...

В первых месяцах следующего года поездка в полуденные губернии по делам службы доставила ему приятное развлечение. Он послан был с какими-то важными бумагами в новороссийский край и встретил весну на берегу Черного моря, в рождавшейся тогда Одессе. Там нашел он несколько товарищей корпусных, а в начальнике - друга своего покойного отца и провел время самым усладительным для своего сердца образом. Между тем какая-то непонятная сила влекла его домой: он никого в Петербурге не любил, что называется любить, а не мог вспомнить о северной столице без сердечного волнения, не мог остановить на ней мыслей, не почувствовав в глубине души своей какого-то непостижимого влечения. Неожиданно явился в Одессе и Хвальнский: он ездил с поручением в Херсонскую губернию и завернул в Одессу, чтоб возвратиться в Петербург в обществе милого своего друга. Кемский искренне обрадовался товарищу и сообщил ему, с каким нетерпением ждет минуты отъезда: теплое дыхание полудня сделалось ему несносным; он горел мыслию воротиться на холодный север.

- Что это за магнитный полюс, к которому стрелка твоего сердца неизменно обращается? - с улыбкою спрашивал Хвальнский.

- Сам не знаю, - отвечал Кемский, - но мне здесь скучно, тяжело, грустно. Поедем, ради Бога, поедем!

Желание его вскоре исполнилось. Друзья оставили Одессу и помчались в Петербург.

В одном жидовском местечке, в Белоруссии, принуждены они были остановиться на ночь в корчме для починки экипажа. Им отвели место за перегородкою. Утомленные продолжительною ездой, они оба заснули на свежей соломе, но около полуночи какое-то страшное сновидение разбудило Кемского. Опамятовавшись совершенно, он слышит за перегородкою разговоры и хохот. Прислушивается: старуха жидовка ворожит солдатам на картах, предсказывает одному генеральский чин, другому отставку, третьему молодую жену. Служивые смеются и шутят друг над другом.

- Полно слушать ее, - говорит один голос, - все пустяки врет! Ну как ей, старой хрычовке, знать, что нашему брату на роду написано! Пойдем домой! Пусть новобранцев морочит.

- Нет, Спиридонов, - говорит другой голос, - не шути этим. Сам бес у ней под языком! Добро бы она толковала о будущем, а не прошедшее, как по пальцам, рассчитывает. Мне все рассказала: как меня в солдаты отдали, как под шведом ранили, как в Польше чуть было в полон не взяли - эка притча! Ну-ка, старая ведьма! Вот тебе еще гривняга: скажи, скоро ли мне достанется в ундера!

Водворилось молчание. Потом послышался хриплый шепот и раздался громкий смех. Разговоры, шутки, хохот продолжались несколько времени. Наконец один из солдат напомнил, что пора отправиться по квартирам и схрапнуть до завтрашнего похода. Совет его подействовал. Мало-помалу шум уменьшался, и чрез несколько времени водворилась в корчме совершенная тишина, прерываемая слабым кашлем старухи.

Кемский между тем встал, надел сюртук и вышел из-за перегородки. В большой избе, едва освещаемой сальным огарком, сидела в углу, за столом, грязная старуха в ветхом жидовском костюме и собирала разложенные по столу, салом и пылью напитанные, частым употреблением закругленные по углам карты. Кемский подошел к ней, бросил на стол серебряный рубль и сказал:

- Бабушка! Погадай мне, где ожидает меня счастье.

Старушка взглянула на него, протасовала карты, дала ему снять левою рукою, вскрыла пиковую семерку и тихим голосом сказала:

- В гробу!

XIV

С.-Петербург, 1798 г.

Время улетало на крыльях своих, свинцовых для несчастных, воздушных для счастливых. Алевтина сочеталась законным браком с Иваном Егоровичем и в течение нескольких месяцев, при помощи друзей, благотворителей, визитов и обедов, успела вывести его в подполковники. Он был определен в смотрители при построении разных казенных зданий. Должно сказать, что сам он не пользовался ни копейкою: с утра до ночи ходил по лесам, смотрел за сохранностью материалов, за прочностью работ; но архитекторы наживались, подрядчики толпами являлись к торгам и перебивали друг у друга работу. Начальник случайно в это самое время строил дачу; к нему беспрекословно отпускаемы были материалы и работники. По счетам архитекторов и поставщиков плата производилась неукоснительно. А отчеты? А ведомости? Это сводил у него человек опытный, необыкновенный в сих делах искусник. Иван Егорович нашел этот клад по следующему случаю.

В начале службы своей послан он был в Симбирскую губернию для привода рекрутской партии: получил прогонные деньги, сумму на расходы, инструкцию и шнутовую книгу и отправился по назначению. Нельзя было действовать исправнее, осторожнее, совестнее Ивана Егоровича: за всякую казенную копейку торговался он до драки; все сбереженные суммы показывал в приходе по чистой совести; при каждой передаче подробно исчислял причины, по каким должен был произвести ее. Таким образом, сберег он в пользу казны с лишком треть данных ему денег и заранее восхищался мыслию, с каким торжеством представит свою экономию начальству. На последнем переходе под Петербургом сошел он с товарищем, который вел другую партию, из Смоленска. За чаем разговорились они о своих делах по службе.

"Скажи, сделай одолжение, Сайдаков, - спросил фон Драк у товарища, - сколько у тебя осталось из отпущенных тебе денег?" - "Сколько осталось? Право, не знаю. Эй, Зверобоев! Сколько бишь у нас в остатке?" - "Ничего не осталось, - отвечал сержант, - и своих ваше благородие изволили потратить". - "Придется еще искать на Военной Коллегии", - сказал Сайдаков. - "Помилуй, друг мой! - возразил фон Драк с трепетом. - Куда это ты девал все деньги? Покажи мне, пожалуйста, шнутовую книгу". - "Изволь, любезный! Эй, Зверобоев! Поддай книгу". Зверобоев подал. Фон Драк раскрыл ее, перевернул несколько листов и побледнел: "Несчастный, ты пропал! Книга белая!" - "Знаю, - отвечал Сайдаков, смеючись. - Смотри, Зверобоев! Завтра, когда придем в Петербург, приведи ко мне писаря - того, разумеешь?" - "Слушаю, ваше благородие!" Фон Драк не мог уснуть, помышляя о беде, ожидающей беспечного Сайдакова. На другой день товарищи пришли в город и остановились на одной квартире.

Фон Драк встал в пять часов и занялся окончанием счетов; вывел все расходы, поверил итоги, перечел остальные деньги и с торжеством подписал рапорт. Сайдаков проснулся в одиннадцать часов и сел за чай. Денщик докладывает: "Пришел писарь из Военной Коллегии". - "Зови скота!" Вошла гнусная, красноносая фигурка в засаленном фраке и сером галстуке. "Здорово, Тряпицын! Я привел партию; мне еще следует получить сто двадцать пять рублей". - "Слушаю, ваше благородие!" - "Вот тебе книга и вот пять рублей, когда кончишь, дам еще синенькую". - "Покорнейше благодарим, ваше благородие, будет исправлено". - "При этом случае, - сказал Сайдаков, обращаясь к фон Драку, - ты можешь отправить свои счета в Коллегию. Тряпицын их доставит". - "С нашим удовольствием", - пробормотал Тряпицын. "Нет, Сайдаков! - отвечал Иван Егорович с боязливою важностью. - Я должен сам иметь честь представить отчеты - это долг службы". - "Это пустое, ваше благородие, - возразил Тряпицын. - Поручите нам, все исправим. Ей-ей, довольны будете!" - "Нет, братец! - отвечал фон Драк. - Я знаю долг службы. Сам представлю". - "Как изволите!" - сказал Тряпицын с усмешкою и отправился.

Фон Драк представил свои отчеты и остальные деньги и чрез две недели явился в Коллегию за квитанциею. В прихожей встретил он Сайдакова. "Ну что, как сошло?" - спросил фон Драк с состраданием. "Прекрасно! Мне доплатили передержку; вот приказ казначею выдать деньги. Приходи завтра обедать. Разговеемся после похода!"

Фон Драк поблагодарил и отправился в присутствие. "Куда изволите идти?" - важно спрашивает его Тряпицын, сидящий посреди запачканной братии в канцелярии. "Куда? В присутствие за квитанциею". - "Извольте погодить, ваше благородие! Есть начетец, есть неисправности, передержки против справочных цен, незаконные выдачи, неверные итоги. Надобно поисправить!" Фон Драк остолбенел. "Помилуй, братец! Я вел самый исправный счет! У меня в остатке значительная сумма". - "Точно так-с; но если б изволили соблюдать казенный интерес по предписанным формам, то осталось бы, конечно, вдвое более". - "Да как это? Сайдакову дали квитанцию, а он передержал сверх денег, выданных ему от казны". - "Точно так-с; да они представили на все законные объяснения и доказательства. Начальство справедливо: оно выдает и передержку, если таковая учинена не в противность существующим постановлениям. Известно вам премудрое изречение государя императора Петра Великого: "Вотще законы писать, если по ним не исполнять".

Фон Драк был в отчаянии, отправился с жалобою в присутствие и получил в ответ, что ревизия отчетов поручена столу коллежского регистратора Тряпицына и что он там должен ждать решения, которое в свое время будет рассмотрено и утверждено или отринуто присутствием. Фон Драк решился выждать окончание дела, являлся каждый день в канцелярию, но каждый день Тряпицын находил в его книге новые неисправности и заготовлял запросы в земские суды уездов, лежащих на пути из Симбирска. Терпение несчастного просителя истощилось: чрез месяц решил он искать *приватно* покровительства Тряпицына и в ужасную осеннюю погоду, в пять часов утра, отправился к нему на квартиру, на Козьем Болоте. Тряпицын встретил его в раздранном плаще и ввел в освещенную сальным огарком грязную комнату, в которой пахло и дегтем, и салом, и гнилью. Фон Драк не знал, с чего начать, но Тряпицын сам помог ему.

"Мне жаль, ваше благородие, что вы изволите так часто трудиться ходить в канцелярию: не угодно ли вам поручить мне окончание сего дела, и я ручаюсь вам, что через неделю все улажу

к вашему удовольствию и к соблюдению казенного интереса. Извольте видеть, для сего должно мне будет просиживать ночи; так я надеюсь, что ваше благородие за экстренные труды не оставите меня должным вознаграждением. Верьте Богу, жалованья беру в год шестьдесят рублей". Фон Драк вынул из кармана пятирублевую ассигнацию и положил на стол. "Извольте видеть-с, - продолжал Тряпицын, - для его благородия, Семена Егоровича господина Сайдакова, можно было в скором времени исправить; его дело было чистое - садись, пиши да и только; а в этом деле, извольте видеть, должно сперва поправить, а потом сделать должное по законам. Двойная работа, ваше благородие!" Фон Драк вздохнул тяжело, вынул из кармана другую синюю ассигнацию.

- Вижу, - сказал Тряпицын, - что вы человек добрый, только жаль, неопытны в службе по счетной части и несведущи в существующих законах. Рад помочь вам от души. Пожалуйте дня через три в канцелярию, и все найдете в порядке". - "Как чрез три дня? - спросил фон Драк, - да успеешь ли?" - "И! Ваше благородие! Не беспокойтесь, мы люди деловые: все сладим к вашему удовольствию. Дело ваше у меня на дому - извольте видеть, вот оно-с. Я тотчас им займусь". Фон Драк откланялся. Тряпицын, провожая его в сени, отпер дверь в кухню и закричал: "Денисьевна! Растопи-ка сальца горшочек, да поскорее".

"Это что? - подумал фон Драк, вышед на улицу, - неужели Тряпицын питается салом?" Он остановился у домика, пред окном комнаты дельца, которого очень хорошо видел сквозь дырявую занавеску, и с любопытством смотрел, что будет. Тряпицын действительно занялся его делом: взял кипку бумаг, перевернул листочки один за другим; вынул приложенные к рапорту деньги и спрятал их в столик. Хромая Денисьевна принесла горшок с растопленным салом. Тряпицын окунул в него все дело и, положив засаленные почти доверху листы на пол, сел за стол и начал что-то писать. Фон Драк отправился домой, ломая голову над тем, что бы значила эта операция. Чрез три дня является он в канцелярию. Тряпицын кланяется ему сухо, как чужому человеку, и чрез несколько времени обращается к столоначальнику: "Егор Кузьмич! Сделайте божескую милость, убедите господина эскутора завести кота в канцелярии. От крыс житья нет. Вот еще одно дело съели". - С этими словами вытаскивает он из-под стола заголовки бумаг и счетов фон Драка: вся нижняя часть действительно съедена была крысами по то место, до которого Тряпицын опустил бумагу в сало. "Неужели?" - спросил столоначальник. "Действительно так-с, извольте сами посмотреть". Столоначальник подошел: "В самом деле! Да как они, проклятые, грызут узорчато! Нешто! Надобно завести кота!" - "Это напредки-с, - сказал Тряпицын, - а сие дело пропало. Следует, за утратою документов, предать оное забвению и господину поручику выдать квитанцию". - "А остальные деньги, оставшиеся в экономии?" - спросил жалобно фон Драк. "Деньги-с? Какие деньги-с?" - "Да те, которые я представил при рапорте!" - "Съедены крысами-с. Что делать? И казенный интерес иногда в экстренностях пропадает. Впрочем, если вашему благородию угодно, мы выведем справки, послав запросы в те присутственные места и начальства, с коими вы по помянутому приводу рекрутской партии изволили находиться в сношениях. Это скоро сделаем. Месяцев в восемь". - "Нет, ради Бога нет! - вскричал фон Драк. - Дайте мне только квитанцию". - "Как угодно, - отвечал Тряпицын, - извольте повременить!" Чрез час квитанция была фон Драку выдана, и он за десять рублей получил урок, каким образом надлежит действовать в делах для сохранения казенного интереса.

Вступив в новую должность по счетной и письменной части, он сначала пришел было в отчаяние: товарищи поздравляли его с *хлебным* местом, а он не знал, как поживиться и на *соль*, и при представлении отчета за первый месяц принужден был дополнить недоимку своими деньгами.

Тогда вспомнил он о Тряпицыне, пригласил его к себе, приласкал и предложил ему место секретаря, бухгалтера и казначея. Догадливый рачитель казенного интереса охотно согласился на это предложение, определился под начальство фон Драка и вскоре освободил его от всех забот: фон Драк поутру подписывал бумаги, заготовленные Тряпицыным, будучи уверен, что не нужно читать их предварительно, потом ходил на строения и занимался механизмом работы, который был ему довольно хорошо известен. Дела пошли своим порядком: сметы, книги, ведомости, отчеты ведены были с величайшею исправностию, и все происходило на законном основании. Для текущей переписки Тряпицын приискал изгнанного из академии за дурное поведение семинариста: этот сочинял бумаги, а Тряпицын исправлял их по надлежащей форме.

Слог и законность бумаг канцелярии фон Драка сделались известными в приказносчетном свете.

Но не одной суетной славы домогался Тряпицын: он любил существенность. Из скудного жалованья своего сберег он, при благоразумной экономии, столько, что построил домик на Новых местах и стал приторговывать деревеньку. Он бы окончательно купил ее, да малый чин не позволял ему совершить крепость на свое имя. Сверх того, скорое благоприобретение могло бы возбудить зависть, толки и клевету неблагонамеренных: итак, он решился подождать удобнейшего случая. И медвежья наружность Тряпицына мало-помалу преобразилась. Алевтина

Михайловна ахнула, увидев этого запачканного урода в кабинете своего мужа, и стала было требовать, чтобы его не пускали на двор, но вскоре смирилась доводами и увещаниями фон Драка: он представил ей Тряпицына человеком единственным и необходимым для устройства дел по службе и по фамилии. И сам Тряпицын смотрел, что бессмертной душе его надлежит на новой планете переселиться в другое тело. Он стал бриться по два раза в неделю и так же часто переменять косынку и манжеты; пудра и помада сменили сальце с мучкою; пучок его превратился в благообразную косу; насаленные виски свились регулярными пуклями; кафтан и нижнее платье бирюзового цвета, а в праздничные дни губернский мундир с бархатным воротником и обшлагами заменили казавшийся бессмертным сюртук его. Табачная лавочка у Синего Мосту лишилась в нем постоянного покупателя: он нюхал табак рульный, а потом и настоящий французский, уже не из скромной тавлинки или ветхой бумажной табакерки с изображением турецкого султана, а из серебряной, и по высоким праздникам - из золотой.

Нельзя было переменить гнусной фигуры и подлого лица, но и на это нашлось средство: остались вещи, но возвысились имена, и этого довольно. Грубость его стали называть строгою честностью, дерзость и бесстыдство - откровенностью, каверзы и крючки - усердием к службе, уважением к законам и знанием дела. Одаренный природною сметливостью, сын порховского целовальника не замедлил догадаться, чего ему недоставало: он не вмешивался ни в какие разговоры и суждения, которых предмет превосходил его понятия, а заметив в споре двух других лиц слабую сторону, приставал к сильнейшей и значительною улыбкою давал знать, что понимает дело и судит о нем, как люди умные и просвещенные, но по скромности ли своей или же потому, что почитает такой предмет недостойным своего внимания, сам в спор не вступает. В то же время возникла в душе его непримиримая ненависть к людям просвещенным и образованным: всяк, кто уже умел говорить по-французски, был природным врагом его. Он скрывал эту ненависть под личиною скромности и покорности, но при первом удобном случае давал чувствовать ее на деле. Привязанность и доверие к нему фон Драка не знали пределов: они усилились еще от того обстоятельства, что начальник, страшась беспокоить грозную супругу, занимал у подчиненного деньги, по заемным письмам, без процентов.

Тряпицын совершенно овладел своим командиром, но не давая ему этого чувствовать и представляясь, будто действует во всем по его приказаниям и распоряжениям. Благосклонность Алевтины была равномерно должною наградою за его труды и усердие. Но Кемский и друг его, Хвальнский, были предметами ненависти и злобы секретаря: пред ними он не мог укрыться - они знали и презирали его. Кемский молчал, но Хвальнский не мог не позабавиться на счет плута и при всяком случае старался уколоть и унижить его пред другими. Однажды за столом разговорились о дороговизне, о том, что ныне трудно жить и т.д., как ведется от Адама и будет до преставления света.

- Всему виною худое хозяйство! - сказал Хвальнский. - Вот у меня, например: доходу до трех тысяч рублей, а я с каждым годом наживаю долги, и отчего? Нет порядку, экономии, расчетливости. А вот, например (указывая на Тряпицына), Яков Лукич! Вы, кажется, берете жалованья рублей четыреста; экипаж у вас преизрядненький; домик построили хоть куда, и тот, как полная чаша; в бостон играете по четвертице, и прочее в соразмерности. А все это оттого, что жить умеете с расчетом, по одежде протягиваете ножки. Наша же братья, так называемые благородные, разоряемся в пух, а живем как нищие. Хоть бы вы меня поучили, почтеннейший, как все из ничего создается. А домик-от ваш я вмиг узнал: у крыльца толпа подрядчиков, и над нижним ярусом вывеска с надписью. *"Здесь бреют и кровь отворяют"*.

Алевтина пылала гневом; фон Драк бледнел; Тряпицын сидел за столом полумертвый. Кемский кашлял, толкал Хвальнского, но тот не унимался. После обеда Алевтина напрямки объявила Кемскому, что не хочет и не может терпеть дерзких людей в своем доме, и поручила ему просить Хвальнского, чтоб он не трудился навещать ее. Кемский хотел было, в сотый раз, защитить и оправдать своего друга, но Алевтина заградила ему уста замечанием, что он, конечно, не захочет в угождение своему приятелю сделать ее несчастною, подвергнув гневу раздраженного мужа.

Несчастною? Гнев мужа? Раздраженный фон Драк? Как сообразить это с обыкновенною кротостью и покорностью Ивана Егоровича? Странно, но действительно так было. Иван Егорович был смирен, кроток, послушен, терпелив, как овца или как знаменитое неутомимостью животное стран полуденных, но только до известной степени. Когда же его выводили из терпения, он впадал в бешенство, становился диким, свирепым зверем, был готов на все. Алевтина раза два испытала на себе действие этого ясновидения и извела опытом ту степень, до которой было позволительно томить, мучить и терзать несчастного супруга; но лишь только он побледнеет и задрожит, она переменяла свое обращение, начинала его ласкать, плакала, называла себя неблагодарною, недостойною такого мужа, ангела и праведника. Иван Егорович приходил в себя, и буря пролетала мимо. Так было и в этом случае. Фон Драк долгое время сносил замечания, насмешки, колкости Хвальнского; но когда сатирик коснулся Тряпицына, его

души и провидения в этом мире, терпение его лопнуло, и он готов был доказать насмешнику свой гнев самым чувствительным и обидным образом. Алевтина, щадя брата, предупредила эту вспышку и упростила князя освободить ее от Хвалынского.

Молодому ветренику крайне досадно было это происшествие: во-первых, он лишился возможности видеть Наташу, прелестную, умную и любезную; во-вторых, оставлял своего друга в когтях его злодеев. В самом деле, с этого времени родственник триумвират мог действовать без опасения, и Тряпицын сделался орудием всех козней против Кемского, предвидя, что, в случае устранения его, будет неограниченным управителем всего имения. Он, как уже сказано, питал к молодому князю сильнейшую ненависть за привязанность его к Хвалынскому, за неуважение его к секретарю и советнику своего зятя и, наконец, не мог ему простить знатной породы, образования и богатства. И когда случалось, что Иван Егорович, в редкие минуты совести и богобоязни, не тотчас соглашался на предложения Тряпицына, клонившиеся ко вреду князя, усердный клевет услаивал сомнения его следующими рассуждениями:

- Помилуйте, ваше высокоблагородие! Что вы это балуете мальчишку! Ведь имение его не благоприобретенное, не стоило ему ни труда, ни забот, и он им владеет без всяких заслуг, не так, как мы, полезные государству люди, каждую копейку приобретаем в поте лица и иногда с крайнею опасностью. Если не вы, так другой расхитит его имущество. Теперь у него в моде друзья и просвещение. Посмотрите, что он раздарил этим повесам, что накупил книг, ландкарт, картин и других бесполезных мелочей! За этим непременно последуют карты, пьянство и тому подобное! Надолго ли тут имения? Оно перейдет в руки ростовщиков, а дети вашей супруги, его племянники, пойдут по миру. Не грешно ли допустить это? Воля ваша, ваше высокоблагородие, а великодушные тут не у места!

Как не согласиться с такими убедительными доводами! Фон Драк с улыбкою отвечал:

- Да, да! Точно так, действительно так! Дока, дока - Тряпицын!

Между тем, по благонамеренному совету секретаря, учтивость, внимание, ласки Алевтины, ее матери и мужа к князю Кемскому еще усилились. Он восхищался их доверенностью, любовью и нежностью и несколько раз думал про себя: "Давно бы Хвалынскому отстать от их дома: они в его отсутствие не имеют никакой причины быть недовольными мною".

Продолжение следует...

Николай Греч.

С.-Петербург. Роман впервые издан в 1834 году.

*Сидящих за твоим столом
Не спеши назвать "друзьями".
Их проверяют не вином,
А горем, помощью, годами.*

*Так как писать умели главным образом мужчины,
- все несчастья на свете были приписаны
женщинам. (С. Джонсон)*

*По пустыне ползут две черепахи.
Он ей: - Ты испортила триста лучших лет моей жизни.*

Никогда никому не завидуй

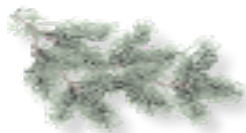
Никогда никому не завидуй -
Ни деньгам, ни овалу лица, -
За хорошим бывает не видно,
Что скрывают за дверью сердца.

Не завидуй улыбке открытой,
Не сердись сгоряча на судьбу,
Ты не знаешь, как плакал навзрыд он,
Как улыбка досталась ему.

Не завидуй любви, если двое
Вместе за руки взявшись идут,
Неизвестно до этого сколько,
Они горя тащили хомут.

Не завидуй чужому успеху,
Что приходит душить перед сном,
Ты решишь - с ветерком он доехал,
А он шёл этот путь босиком...

Никому никогда не завидуй,
Ослепленный, судить не спеши...
За хорошим бывает не видно
Всё отчаянье чьей-то души.

Июсса Федотовская.

Письма читателей

2-11-2019 Здравствуйте, дорогая Тамара! Рад, что готовите новый выпуск журнала!

...Вчера в Калининграде на встрече с авторами и читателями журнала БЕРЕГА, членом редколлегии которого являюсь, рассказывал о Вашем чудесном журнале и о Вас. Слушали с огромным интересом и восхищением. С пожеланиями доброго здоровья, удачи и благополучия.

Всегда Ваш, **Александр Герасимов** г. Калининград.

17-11-2019 Здравствуйте, уважаемая Тамара Николаевна! Большое спасибо за журнал и за публикацию в нём моего стихотворения. Всего-всего Вам самого доброго! С глубоким уважением и признательностью, **Владимир Колабухин**.

17-11-2019 Дорогая Тамара Николаевна! Огромное спасибо за присланный новый номер журнала "Жемчужина". Он необычный, юбилейный, и я поздравляю Вас, как издателя, редактора, с 20-летием Вашего детища - этого замечательного журнала! Номер очень интересный, особенно привлекли внимание статьи Натальи Гребенюковой, Лидии Довыденко, рассказ Т. Грибановой "Настенины антарикки" и другие публикации. Рада, что журнал вновь выходит. Доброго Вам здоровья и творческой бодрости!

С уважением, **Татьяна Гладких. Д.В.**

19-11-2019 Уважаемая Тамара, добрый вечер! Спасибо огромное за публикацию в столь замечательном журнале! Всегда жду, когда появится новый номер и радуюсь, если моя работа попала в него. И появятся новые читатели, которые находятся далеко от меня, но они очень дороги мне. И поэтому я радуюсь. Спасибо Вам еще раз! Всего самого хорошего Вам! С уважением,

Михаил Смирнов. Башкортан.

18-11-2019 Спасибо, уважаемая Тамара Николаевна, за новый номер "Жемчужины"! Очень симпатичный, теплый, светлый журнал. И спасибо еще раз за публикацию стихотворения "Русский язык" в предыдущем номере! Здоровья и вдохновения!

Сергей Луценко, Павловск, Воронежской обл.

25-11-2019 Здравствуйте, уважаемая Тамара Николаевна! ...Я рад нашему сотрудничеству... Думаю что вы выполняете очень важную миссию по сохранению русского языка и культуры среди русскоязычного населения Австралии. Творческих Вам успехов, вдохновения и побольше всего того чего нельзя купить за деньги - друзей, здоровья, хорошего настроения... Искренне Ваш новый друг и автор,

Сергей Калинин.

5-12-2019 Спешу поделиться своей маленькой радостью! Сегодня в газете Алтайского государственного университета (входит в Топ-100 опорных вузов России) вышло моё интервью ... про публикацию и Жемчужину. Думаю читателям в России будет интересно узнать о Вас, Вашей с подвижнической миссии и журнале. Надеюсь на творческое сотрудничество, как автор и долгую дружбу с Вами и Жемчужиной!

...Извините меня пожалуйста, но на сайте ("Жемчужина" - Т.М.) есть досадная опечатка в разделе новых номеров: "Сайт перестраивается и дополняется" - случайно вместо "Н" напечаталось "Г". Еще раз извините. Возможно вы уже знали об этой опечатке, но я не мог пройти мимо, так как искренне люблю наш Журнал и хочу чтобы он выглядел безупречно. (Уже исправила, большое спасибо - Т.М.) Еще раз спасибо за мой дебют. И примите мои поздравления, о том что как минимум в почти в миллионном городе России теперь знают о Жемчужине и о Вас! И возможно появятся новые читатели журнала. С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш автор и друг,

С. Калинин.

22-11-2019 Ура! Дорогая Тамара Николаевна, сегодня увидел в 76 номере отрывок из своей поэмы. Премного Вам благодарен! Пусть Бог хранит Вас во всех Ваших делах и начинаниях! Мир Вам и Вашим близким! С уважением, **Олег Селедцов.**

27-12-2019 Дорогая Тамара Николаевна! Примите самые искренние и сердечные поздравления с наступающим Новым 2020 годом и Рождеством Христовым!

Новый год - праздник всеми любимый и всеми ожидаемый. Каждый от Нового Года чего-то ждет, надеется и верит во что-то светлое, доброе, чудесное. В канун праздника хочется пожелать Вам удачи, счастья и семейного благополучия, личностного и творческого роста, вдохновения и исполнения заветных желаний. Пусть Новый год ознаменуется новыми достижениями, принесет в Ваш дом благополучие.

С уважением, **Олег Селедцов.**

5-12-2019 Здравствуйте Тамара Николаевна! ...Спасибо Вам за № 76 Жемчужины и примите поздравление: Жемчужине 20 лет - это прекрасно! Журнал объединил многих и многих людей из разных стран. И как хорошо, просто замечательно что Вы решили на страницах журнала почтить память великого русского поэта А.С. Пушкина: 220 лет со дня рождения! "Буря", "Памятник", "Сожжённое письмо", - спасибо Вам, хранительнице русского слова. ... Присоединяюсь к словам автора стихотворения "Прикосновение стиха" Владимира Лебедева - с уважением верой надеждой и любовью! Автору - признательность и пожелание успехов в творчестве.

Очень понравился рассказ "Стекольный мастер" К.Паустовского. Читал первый раз, вспомнил слова А.С.Пушкина: "О сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух" (может быть, немного ошибся, простите великодушно пишу по памяти). Я когда ездю к отцу через Владимирскую область, то проезжаю Гусь Хрустальный. К великому сожалению завода уже нет... остались кое какие артели. А какую красоту создавали! У каждого Мастера должна быть заветная мечта - пусть почти несбыточная, пусть всю жизнь мастеру стремится, и если не он, то пусть его ученики создадут то, что задумал Мастер. Спасибо Тамара Николаевна, - не всё мы помним, не всё знаем; напоминайте нам о прекрасных работах русских классиков.

Рассказ - "Настёнины антарики" Татьяны Грибановой прочитал с удовольствием, вспомнил бабушкины сказки и народные былины, что рассказывала в детстве. Автору - спасибо и пожелание успехов в творчестве. Желаю Вам всего доброго и хорошего. С уважением. **Евгений Кульба.**

Благовещенск.

29-12-2019 Тамара, и с к р е н н е приветствую Вас! С Н а с т у п а ю щ и м ! Будьте счастливы в Новом 2020 году! **Валерий Румянцев.**

30-12-2019 Дорогая Тамара Николаевна, сердечно поздравляю Вас с наступающим Новым годом и Рождеством! Доброго Вам здоровья, счастья, домашнего тепла! Пусть новый год будет для Вас и Ваших близких светлым и радостным!

Ваша **Татьяна Гладких.**

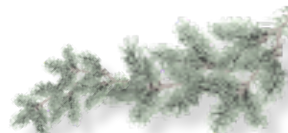

30-12-2019 Дорогая Тамара Николаевна! От всей души поздравляю Вас с наступающими Новогодними праздниками и с Рождеством Христовым! Крепкого здоровья! Пусть исполняются желания и сбываются надежды! Удачи, радости и благополучия! **Сергей Луценко.**

31-12-2019 Мира, здоровья, счастья, любви родных и близких и успехов во всех делах!

Игорь Безрук.

31-12-2019 Дорогая Тамара, со светлыми Новогодними праздниками Вас! Доброго Вам здоровья, Божьих благословений! С теплотой, **Н. Тютюнник.** Украина.

31-12-2019 Уважаемая Тамара Николаевна! Поздравляю Вас с наступающими январскими праздниками - Новым годом и Рождеством Христовым. Желаю сибирского здоровья, кавказского долголетия, неизбывного русского оптимизма в любых жизненных ситуациях и конечно же постоянного творческого настроения. Пусть в Вашей жизни будет больше радости, света и доброты. Разделенные с кем-то, они лишь умножатся. И пусть в Новом году Вас не покидают удача и благополучие. С благо-дарностью за литературное сотрудничество и с почтением, Ваш автор **Фёдор Ошевнев**, Ростов-на-Дону.

31-12-2019 Здравствуйте, Тамара! Спасибо Вам за поздравление. В свою очередь поздравляю Вас с наступающим Новым годом. Желаю Вам крепкого здоровья, благополучия, счастья, радости, успешной и плодотворной работы, дальнейших творческих достижений и благословения Божьего Вам и Вашим близким.

С теплом, **Евгений Новицкий.** Украина.

31-12-2019 Уважаемая Тамара, здравствуйте! Поздравляю Вас с Новым годом! Желаю, чтобы в этом году Вы успели сделать все, что не успели сделать в прошлом. Чтобы удача шла с Вами в ногу и чтобы счастье никогда не покидало ваш дом. Добра и света, тепла и радости Вам! С Новым годом!

С уважением, **Михаил Смирнов.** Башкортан.

31-12-2019 *Здравствуйте, Тамара! Поздравляю Вас с наступающим Новым 2020-м годом! Желаю наикрепчайшего здоровья, радости жизни, творческого подъема, душевного тепла и света, искренних строк, фейерверка успехов и удач. Что касается итогов творческого года, у меня есть любопытная новость: Российский союз профессиональных литераторов (это еще один союз) объявил меня Поэтом года, по этому случаю здесь мне вручили очень красивую. статуэтку. ... Еще раз светлого Вам года! Искренне Ваш, **Владимир Лебедев.***

У в а ж а е м ы й
В л а д и м и р !
Поздравляем с
з а с л у ж е н н ы м
У С П Е Х О М !
Счастья, светлого
вдохновения и
новых свершений!

Письма читателей

1-1-2020 Здравствуйте, Тамара Николаевна! Позвольте и Вас поздравить с Новым годом и наступающим Рождеством. Желаю Вам преодолеть в этом году все трудности, набраться сил, здоровья, и не переставать нас радовать своим творчеством!

С уважением, **Дмитрий Харито.**

1-1-2020 Дорогая Тамара Николаевна, большое спасибо за поздравление! Примите и мои поздравления, и самые наилучшие, самые душевные Вам пожелания! С глубоким уважением, **Владимир Колабухин.**

1-1-2020 С Новым Годом, Тамара! Пожелаю Вам в Новом Году здоровья и счастья! Чтобы у Вас в Новом году светлых и добрых дней было столько - сколько листков в календаре! Чтобы стихийные бедствия с Божьей помощью прекратились и это вселило бы в сердца людей спокойствие и благодать! Творческих новых успехов Вам, а прекрасному журналу - новых прекрасных работ и новых открытий, авторов! Мира, добра, веры, надежды и любви!

С уважением, **Евгений Кульба.** Благовещенск.

1-1-2020 С Новым годом и грядущим Рождеством Христовым Вас, уважаемая Тамара! Помощи Божией в делах, счастья, радостного настроения!

прот. **Николай Толстиков.**

1-1-2020 Дорогая Тамара! Примите от меня поздравления с наступившим Новым годом и предстоящим Рождеством Христовым! Всего Вам самого наилучшего! Лада и благополучия Вашему семейству! Спасибо Вам огромное за публикацию моих стихотворений! Всегда Ваша - **Татьяна Грибанова.**

1-1-2020 Крепости сил телесных и духовных. Мира и радости Христовых. Помощи Божьей Вам, Тамара, в Новом году. *прот* **Василий Мазур.**

2-1-2020 Дорогая Тамара! С Новым годом и Рождеством Христовым! Всех Вам благ, здоровья крепкого и Божия благословения! **Наталия Рубан,** Хабаровск.

7-1-2020 От всей души поздравляю с Новым Годом и Рождеством Христовым! Счастья, любви и Мира

Счастья, удачи, любви, Мира! Христос Рождается!

Иван Нечипорук. ДНР

10-1-2020 Большое Вам спасибо за поздравление! Вас также поздравляю с наступившим Новым годом и Рождеством!

Григорян Лев Арменович.

7-1-2020 С Рождеством Христовым!
Мира и любви
Светлана Тишкина, ЛНР.

9-1-2020 Тамара Николаевна! Примите поздравления с прошедшим Рождеством Христовым и наступающим Старым Новым годом! Пусть в этом году все в Австралии наладится! Сми пишут про страшные лесные пожары которые охватили весь континент. Публикуются жуткие фото. Молюсь о вас и о Австралии. Может быть нужна какая то помощь или поддержка, - пишите. С надеждой, что Господь Бог не оставит вас.

Всегда ваш, друг и автор, **Сергей Калинин.**

16-1-2020 Тамара, позвольте поздравить Вас с наступившим Новым годом и Рождеством Христовым! Желаю успеха во всех Ваших начинаниях, плодотворных идей и вдохновения во всех, даже мало-мальских делах! С уважением, **Владимир Бодров.**

Дорогие авторы, читатели и друзья журнала! От всего сердца благодарю всех за поздравления и добрые пожелания, за ваш благородный труд, терпение, понимание и постоянную поддержку. Т.М.

Тузик и его друзья

Дорогие маленькие читатели! Тузик и все его друзья находятся сейчас на строгом карантине. Сами понимаете, дело серьёзное и рисковать нельзя, ведь кошки, собачки, попугаи и сороки, и даже Рябушки тоже могут заболеть. НО как только они поправятся, сейчас же снова начнут шалить и радовать вас своими весёлыми историями.

Детская страничка

Январь

Солнце чуть повыше стало,
День немного прибывает,
Белоснежным одеялом
Лес укрыт, мороз крепчает.

Очень голодно зимою...
Ёж, барсук и мишка спят,
Серый волк с лисой-кумою
Ловят мышек и зайчат.

Объедают в роще лоси
Деревца, кору, кусты,
Шишки ёлочек и сосен
Любят белки и клесты.

Вьюги в поле хороводят,
Сном глубоким спят леса,
По ночам там сказки бродят,
Происходят чудеса.

Утром - небо золотится,
Дым из труб идёт столбом,
Самоцветами искрится
Снег, покрывший все кругом.

В этом месяце, ребята,
От Христова Рождества
До Крещенья будут Святки -
Дни святого торжества.

Людмила Громова.
Сайт "Свете Тухий"

Ёлочка, придя на карнавал,
Маску волка серого надела
И сказала: – Я бы так хотела,
Чтоб меня никто здесь не узнал.
Ведь на новогоднем карнавале
Мне не приходилось быть ни разу...
Но, увы, её узнали сразу
По зелёной и колючей шали!

Евгений Валерьевич Новицкий.

Ежонок и ёлка

Говорит ежонку ёлка:
- Погляди-ка на меня,
Как и ты, я вся в иголках,
Значит, мы с тобой родня!
А ежонок ей в ответ:
- Что ты, ёлка! Всего нет.
Хоть колюча ты, но всё же
Быть роднёю мне не можешь.
У меня среди родни
Только ёжики одни!

Евгений Валерьевич Новицкий.

